

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дука А.В.

ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ

В данной статье предлагается концептуальный «каркас» объяснения оснований функционирования властных элит. Основания - это элементы социетальной реальности, вне качественной определенности которых или без этих элементов, существование и функционирование элит невозможно. Таких оснований можно выделить три: структурные, институциональные и культурные. Структурные основания связаны с тем, что элиты являются частью социальной структуры общества. Сложные общества нуждаются в стратифицированном иерархическом управлении, являющимся следствием разделения труда. Попадание конкретных индивидов в данную группу связано с многофакторным и многоуровневым процессом социальной дифференциации. Однако, сложившись как определенная целостность, элита стремится закрепить свое положение, стать устойчивой во времени именно как группа. Воспроизводимость во времени, включение в социальные отношения и выполнение функций в социальной системе в своем деперсонифицированном виде связано с институциональными характеристиками элиты. Элиты дольше и больше, чем их составляющие персоны. В силу своего положения в обществе, властные группы стремятся задавать характеристики всему обществу и рамки существования индивидам и социальным группам, играя в отношении всего общества и групп институционализирующую функцию. Вместе с тем, они сами подвержены нормированию со стороны общества. Однако существенным институциональным различием остается асимметрия норм как принцип иерархического распределения возможностей и подчинения, закрепленный в нормативных актах. Культурные основания существования элит определяют их смысл и значение в социальном простран-

стве и во времени. (Само)идентификация, проведение границ с другими группами и выстраивание социальной дистанции – важная часть элитного самоопределения. Помимо внутренней культурной определенности, элиты презентуют себя в рамках единого культурного пространства как часть народа, этноса, нации. Это является одним из оснований легитимации их общественного положения. Но элиты одновременно стремятся определять в основном общественный дискурс, они определяют и переопределяют значения публичных символов, обеспечивая себе доминирующее положение.

Ключевые слова: *властные элиты, идентичность, идентификация, иерархии, социальные диспропорции, институты, социальные порядки, институциональные порядки.*

При всем существующем многообразии исследовательских подходов, ученые редко обходятся без обращения к базовым структурам, отношениям, устойчивым формам проявления и функционирования элитных групп, а также к проблемам их идентификации и идентичности, пространственно-временной и исторической определенности. Эти базовые для существования любой социальной группы социальные характеристики, параметры общества и фон социальной жизни определяют рамки бытования персон и сообществ, находящихся на вершине иерархий. В этом отношении я определяю их как основания существования и функционирования элит. Основания — это те элементы социальной реальности, вне качественной определенности которых или без них, существование и функционирование элит невозможно. Таких оснований можно выделить три: структурные, институциональные и культурные. В известной степени эти основания являются продуктом аналитических построений. Вместе с тем, вполне определенно можно утверждать, что общество дифференцированно и структурировано. Кроме этого, оно устойчиво во времени, воспроизводится и нормировано. И еще оно отлично от других обществ и осознает себя таковым, а внутри отдельные группы и общности, осознавая себя и действуя совместно, также проводят смысловые границы между собой и определяют себя как особые образования.

СТРУКТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Элиты являются частью социальной структуры общества. Существующие иерархии и социальные дифференциации непосредственно влияют на существование, воспроизводство, функционирование групп

доминирования. Диспропорции, возникающие при рекрутировании элит (Р. Патнэм), определяют властные отношения, но одновременно, они определяются структурно-функциональными характеристиками социальной системы, уровнем социально-экономического развития и профессиональной структурой общества.

Но почему эти диспропорции возникают? В элитологической литературе предлагается несколько ответов на этот вопрос. В классическом определении элиты Вильфредо Парето указывается на реализованные способности (Парето 2008: 307-309), которые распределены неравномерно в человеческом обществе (Парето 2008: 306-307). В сфере управления необходимы и проявляются специфические способности и психологические черты (инстинкты) (Парето 2008: 309). Вместе с тем, он указывает на закрепление определенных, функциональных в конкретном контексте свойств («прирост остатков»), которые со временем становятся дисфункциональными, так как они начинают превышать некоторый баланс психологических свойств, необходимых для господства и управления. Это приводит к приходу нового правящего класса, инстинкты которого являются адекватными складывающейся ситуации (Парето 2008: 347-350). Таким образом, диспропорции в способностях оказываются существенными с точки зрения управления и обеспечения равновесия в обществе; они же обеспечивают циркуляцию властных групп и являются фундаментом социального структурирования. Существенным является замечание В. Парето о том, что при всех попытках изменить распределение способностей, «форма пика сохраняет стабильность и при всех возмущениях тяготеет к самовосстановлению» (Парето 2011: 176). Это важно не только с точки зрения возможных эгалитарных устремлений. Принципиально, что в социуме воспроизводится определенное соотношение индивидов, имеющих неодинаковые таланты, способности, потенции. Именно это стабилизирует общество и одновременно дает возможность ему развиваться.

Изменение распределения способностей может носить не только реформаторский и революционный характер, но и эволюционный, в связи с общественной социально-экономической динамикой. И «скорректированный Парето» у Карла Мангейма приобретает вполне современный социологический дух и вид: «Место индивидов и их способностей в социальной структуре определяет каждый раз разделение функций и труда, создавая различные по своему типу шансы для об-

разования элиты в области знания и формирования воли. Структура общества ставит определенные в этом смысле группы в привилегированное положение, принуждая одновременно другие группы к пассивности» (Мангейм 1994: 287)¹.

Об интеллектуальном превосходстве высших социальных классов пишет Питирим Сорокин. Опираясь на исследования, проводившиеся во многих странах, он показывает статистически значимые расхождения в интеллектуальном развитии между различными статусными группами (Сорокин 2005: гл. X, XII; см. также: Лапуж 2014: 342-344)². Тило Саррацин показывает, что в современном обществе, характеризующемся проницаемостью социальных границ и меритократическим принципом вертикальной мобильности, действует тенденция концентрации талантов и управленческих способностей в верхних слоях общества (Саррацин 2012: 201-203)³. Автор ссылается на работы Ричарда Линна, показывающего, что одаренность и интеллект частично наследуются (Линн 2010). Как следствие, элита (более широко — верхние социальные страты) со временем значительно дистанцируются. Причем, тенденция к превращению ее в касту вполне очевидна. Именно демократический порядок, основанный на меритократической справедливости, будет максимально этому способствовать. Он оказывается внутренне ориентирован на естественную дифференциацию, выражающуюся в том числе в иерархии управления, где разные иерархические позиции занимают индивиды, имеющие разные природные характеристики.

Однако, как показывает Роберт Патнэм, как раз снижение демократичности способствует усилению социальной диспропорции: «Степень отклонения элиты от независимой модели статистического представительства тесно связана с ее идеологическими ориентациями. Чем более консервативен партийный режим, тем больше сверхпредставленности социальных групп с высшим статусом внутри ее руководства» (Putnam 1976: 37). Иерархия определенных групп поддерживается искусственно, и она не связана со способностями индивидов.

¹ Хотя надо отметить, что Мангейм на Парето не ссылается. Но здесь важен первичный посыл.

² У Лапужа биологические и психофизиологические свойства лежат в основе иерархий. См. также: (Lapouge 1897: 91 (особ); Гюнтер 2005: 530-538).

³ Разбор книги Сарацина (см.: Ян 2014).

Но проблема не только в недопущении определенных социальных групп и индивидов на элитные позиции¹. Сами эти элитные позиции возникают в силу необходимого и неизбежного структурирования социума. Система сложных обществ нуждается в стратифицированном иерархическом управлении. И она нуждается также в равновесной стабилизации. Элиты представляют собой именно эту функцию общества, выполняемую определенной группой. Собственно, именно таким образом и рассматривают элиты в большинстве своем элитологи, но несколько в иных терминах.

Но функциональная необходимость элит не проясняет вопрос о том, почему именно эти группы являются элитами. Помимо ответа в духе Парето, можно предположить, что контроль над ресурсами дает возможность одним группам доминировать в обществе. Но почему возникает этот контроль?

Роберт Михельс отвечает: организационные потребности и технические особенности управления, социально-психологические свойства организованных масс и психология толпы, а также психология вождей (Michels 1927, 1959). Такой ответ связывает вместе особенности человеческих коллективов (сообществ), социально-психологические особенности коллективного поведения людей и индивидуальные особенности (потенциальных) лидеров. То есть появление особой группы доминирования представляет собой естественный процесс самоорганизации человеческого сообщества. Р. Михельс демонстрирует открытые им закономерности на примере политических партий.

Современные организационные исследования также выявляют существенную динамику внутренней организации коллектива. Джеральд Марс, наблюдая в течение 18 лет группу консультантов по подбору кадров в большой мультинациональной корпорации, показал, как эта группа эволюционирует от сегментированных индивидов через группо-центрированный идеалистический эгалитаризм («анклавный режим») к различным стадиям бюрократического контроля и иерархического распределения власти, заканчивая тираническим управлением (Mars 2008).

Но вот пример другого рода. Раннее достаточно большое, идейно ориентированное на эгалитаризм общество создает иерархию. «В эти

¹ Сорокин пишет о важнейшей функции «отборочной роли социальных институтов» и ссылается при этом на «Социальный отбор» Лапужа (см.: Сорокин 2005: 182).

дни, когда умножились ученики, произошел у Елинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей. Тогда двенадцать *Апостолов*, созвавши множество учеников, сказали: не хорошо нам, оставивши слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости; их поставим на эту службу; А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию» (Деяния 6: 1-5). Это очень важное свидетельство того, как общество добровольно отдает свой суверенитет. При всей возможной поздней литературной обработке, здесь показывается реализация социетальной потребности. Идея равенства уступает необходимости функциональной дифференциации.

А раз выделившись, эта группа стремится стабилизировать свое положение. Но и сам социум нуждается в стабилизации функционального разграничения. Гаетано Моска так описывает логику процесса: «<...> в достаточно многолюдных обществах, достигших определенного уровня цивилизации, правящие классы не подтверждают свою власть исключительно фактическим обладанием ею, но стараются найти ей моральное и правовое обоснование, представляющее ее как логическое и необходимое следствие общепринятых и признанных доктрин и убеждений <...> Это правовое и моральное основание или принцип, на котором покоится власть политического класса, что мы уже называли и будем продолжать здесь называть «политической формулой». (Философы права обобщенно называют это «принципом суверенитета»» (Mosca 1939: 70).

Логически вроде так. Но стараются найти обоснование не только доминирующие: подвластные не в меньшей мере нуждаются в оправдании существующего порядка. Порядок нужен всем. Социальный порядок сам включает в себя необходимую легитимацию. Иначе он не состоялся бы именно как порядок, существующий во времени, воспроизводящийся и обеспечивающий выживание социуму.

Социальный порядок и стабилизация

«Многие социальные порядки могут быть поняты как примеры адаптивных систем — комплексы активных компонентов, чьи взаимодействия приводят в действие устойчивую во времени, но изменяющуюся сетеподобную структуру, чувствительную к окружающей среде и адаптивную к ее характеристикам» (McQuade, Butos 2009: 76). Здесь

необходимо добавить, что указанная структура также реактивна в отношении самой себя. Изменяющаяся внутренняя среда также является предметом соадаптации ее элементов. В связи с этим возникает вопрос о наличии или отсутствии неких инстанций, задающих направленность адаптации.

Совершенно справедливо указывается в литературе: «Начало социального порядка происходит из социальных структур, которые приспособливают порядок к действию посредством воспроизводства значения» (Haugaard 2003: 90). Но что или кто поддерживает необходимость тех или иных значений? Возможный ответ — структуры и персоны, имеющие интерес, намерение и максимальные возможности именно так действовать. Но возможно ли произвольное действие на основе собственного группового или индивидуального воления? Ответ зависит от наших представлений о функционировании социальных структур и в целом всей социетальной системы. Большинство элитистских подходов отвечает на этот вопрос положительно.

Д. Норт с коллегами, описывая социальные порядки, пишут: «Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, способ, которым общества ограничивают или открывают доступ к этим организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие. Поскольку социальные порядки порождают различные модели поведения, индивиды в различных социальных порядках формируют различные представления о том, как ведут себя люди вокруг них» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 40). Но за словом «общества» скрываются определенные инстанции, всё общество целиком не является непосредственным агентом действия, даже длительного. Оно, безусловно, задает границы активности социальным субъектам, так как констелляция структурных характеристик определяет возможные способы структурных взаимодействий, направления и возможности акторов.

В устойчивых системах одним из существенных элементов являются персонифицированные функции взаимосвязанных структур. «Роль — это такой организованный сектор ориентаций актора, который конституирует и определяет его участие в процессе взаимодействия. Она включает набор взаимно соотнесенных ожиданий, касающихся действий как самого актора, так и тех, с кем он взаимодействует» (Пар-

сонс, Шилз 2000: 448). Именно благодаря ролям структуры оживают и очеловечиваются. Одновременно групповой или единичный актор в определенной степени деиндивидуализируется. Важным обстоятельством является институционализированность, укорененность и устойчивость иерархических структур и отношений. Чем в большей мере процесс институционализации совершился (не обязательно завершился, что маловероятно), тем в меньшей степени индивид может проявить себя как субъект *своих* действий¹. Это связано с тем, что роль «принадлежит» системе, структуре, которые ее определяют, а также встроенным в эту систему и структуру определенным образованиям, выполняющим институционализирующие, структурирующие, стабилизирующие, регулирующие и командные функции. Этими образованиями являются элиты. Но надо учитывать, что сами структуры подвержены случайным и направленным изменениям. И структурная стабилизация, в конечном счете, может привести к существенным изменениям социального порядка. Тем более что институционализация и длительность выполнения ролей порождает латентные функции и латентные роли.

Существует еще один важный механизм стабилизации, основанный на внутренних интенциях властной группы — наследование позиций и власти. Эмпирическим фактом является стремление любой доминирующей группы, правящего класса превратить себя в наследственную страту по факту или по закону (Mosca 1939: 61). Причем для членов элитной страты это является само собой разумеющимся делом. В воспоминаниях Генри Адамса, внука шестого президента и правнука второго президента США, содержится любопытный сюжет, где он, мальчиком, вдруг поразился возможностью усомниться (высказанной ирландцем-садовником), что он сам не станет президентом страны (Адамс 1988: 24). Конечно, решение стать президентом или сенатором не возникает произвольно. Роберт Лэйн указывал на кардинальную роль родителей в ориентации детей на политическую карьеру (Lane 1959: 216). Модернизационные процессы сокращают семейственность в политических институтах, но не снимают проблему с повестки дня (Clubok, Wilensky, Berghorn 1969). Следствием этого является и малочисленность этой группы, и сужение бассейна рекрутирования по мере

¹ Это можно соотнести с автоматическими действиями, на которые уже не в силах повлиять какой-либо актор. (см.: Арендт 2014: 254-255).

продвижения вверх. Сформулированный Р. Патнэмом закон возрастающей диспропорции — «чем выше уровень политической власти, тем большее представительство высокостатусных социальных групп» (Putnam 1976: 33) — как раз и фиксирует эту тенденцию. Стабилизированные (институционализированные) элитные группы имеют тенденцию к сужению бассейна рекрутирования. Следует отметить, что Моска указывал на негативный аспект закрытости элит, их кристаллизацию, приводящую, в конечном счете, к закату правящего класса (Mosca 1939: 66-69). Современное общество в силу значительной социально-экономической динамики значимо снижает эту опасность.

Одним из аспектов стабилизации социума, связанным с местом групп доминирования в общей структуре, является вопрос о численности и пропорции членов властных групп. П.А. Сорокин утверждал о существовании оптимальной пропорции верхних слоев по отношению ко всему населению. «Значительное отклонение от этого оптимума, — пишет он, — вероятно, будет иметь катастрофические последствия для общества» (Сорокин 2005: 183). В отношении степных империй принцип оптимума властных групп, связанный с законом Ибн-Хальдуна, действует достаточно определенно. Чрезмерное увеличение членов высших групп просто уничтожает политическое образование (Элита 2015: 34-36).

Однако социально-экономическое усложнение обществ модерна и постмодерна приводит к диверсификации социальной и экономической сфер общества. Это, в свою очередь, ведет к увеличению количества иерархий и иерархических рангов. Происходит горизонтальная и вертикальная мультипликация элит. Помимо этого, в связи с «фундаментальной демократизацией общества» — активизацией все большего числа социальных групп — в публичную сферу проникает большое количество представителей прежде неэлитных слоев (Мангейм 1994). Число субэлитных групп растет.

В условиях значительных социальных перемен, подвижности социальных границ и нарушения функционирования институционализированных социальных лифтов (см., напр.: Медведев 1997: 202) усиливается значение случая, то есть влияние независимых от устойчивых структурных и институциональных связей переменных. В частности, формирование элитных слоев частично могло происходить хаотично. А.В. Коржаков по этому поводу вспоминает: «В 91-м и позднее люди с легкостью попадали во власть и еще легче из нее выпадали. И даже не личные пристрастия Ельцина или Горбачева определяли выбор кон-

кретного кандидата. Все определял случай. А в кадровой лотерее тех лет было много выигрышных билетов» (Коржаков 2012: 89). В.С. Новоселов, заместитель председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга с 1995 по 1999 г. (когда его убили) в интервью прямо говорил: «Я абсолютно случайно попал в политику». Отсюда и весьма показательное суждение: «Если говорить о чертах сегодняшнего политика, то, прежде всего, надо сказать, что в Петербурге, собственно, нет особой политики и быть не может» (Виктор Новоселов 1999: 3). Естественно, что случайность работала и на не вхождение в элитную группу персон, вполне подготовленных и готовых выполнять функциональную элитную роль (см. напр.: Полторанин 2010: 15-16).

Выход из «абстрактности»

В связи с этим возникает один принципиальный вопрос, касающийся качественного состояния элиты, находящейся у власти в переходных обществах: что это за элита? Представляется, что ответ надо искать в том, насколько и в какой степени элита институционализировалась. С точки зрения функционирования в обществе и выполнения ролевых функций, члены элитного сообщества и элита в целом могут вполне отвечать стандартному определению властных элит. Проблема заключается в том, насколько данное сообщество воспроизводит себя во всех своих определенностях. Схожая проблема существует с поисками и идентификацией так называемого среднего класса в нынешней России. Статистически он есть, а по сути — маловероятно.

Здесь важно различие, которое дал Ральф Дарендорф относительно элит: «Есть элиты, социальный тип которых характеризуется тесной сплоченностью. Их члены объединены не только сходными позициями в руководстве, но также, например, способами рекрутирования, конечно, их социальной биографией, важным общим опытом и другими вещами, которые мы имеем в виду, когда говорим, что люди говорят на одном языке. <...> Если уровень сплоченности высок, мы можем назвать данную элиту *устоявшейся* (концепт, в который английское понятие «Истеблишмент» входит). С другой стороны, существуют элиты, которые не являются «реальными феноменами» в каком бы то ни было смысле, но, скорее, «феноменами порядка», объединения, сконструированные социологами, и чьи члены не имеют ни сильного чувства сопринадлежности, ни большого общего опыта, биографии или тем для разговора. Здесь элита — не группа или страта (в строгом смысле), но,

в лучшем случае, категория или квазигруппа. В этом случае мы назовем эту элиту *абстрактной*» (Dahrendorf 1969: 219). Схожие представления можно найти и у Энтони Гидденса. Для него «абстрактная элита» характеризуется относительно открытым рекрутированием и низкой внутриэлитной интеграцией (Giddens 1974: 6). Дарендорф, в отличие от Гидденса, в большей степени делает упор на повседневных практиках или, лучше сказать, ткани отношений. Поэтому, может быть, более релевантным было бы говорить не о групповой сплоченности, а о групповой синтальности (Рэймонд Кэттелл). Достаточно долго состояние «абстрактности» элиты продолжаться не может. Оно становится дисфункциональным. У отечественного социального психолога А.И. Донцова есть важное в этом контексте понятие «предметно-ценностное единство», которое обозначает специфическую интеграцию «индивидуальных деятельностей, при которой каждая из них, даже будучи направлена на преобразование различных конкретных объектов, опосредована единым ценностным содержанием предмета совместной деятельности» (Донцов 1979: 72-73.). Как представляется, у властных элит предметно-ценностное единство функционально определено, и именно оно выступает основанием устойчивости совместной деятельности.

Но как быть с реально существующим феноменом разъединенных (разобщенных, дезинтегрированных) элит? (Field, Higley 1980; Burton, Higley 1987; Higley, Burton 2006 и др.) Представляется, что «абстрактность» фиксирует состояние, не предполагающее оформление даже субэлитных групп, которые могли бы конфликтовать, не соглашаться, сражаться. Из состояния абстрактности уже кристаллизуются возможные противники и союзники на основании политико-идеологической и социальной саморефлексии. Но это возможно, когда совместность существования обкатана временем и стала фактом не только единого функционального действия и времяпрепровождения, но также и осознаваемого и ощущаемого социального единства даже при существенных политических разногласиях. Понятно, что это довольно длительное дело, связанное в том числе с проблемой воспроизводства элитного сообщества, а также стабилизацией социальной структуры общества. В России уже можно наблюдать начало этого процесса. Ярким примером является свадьба депутатов VI созыва Госдумы, представляющих полярные фракции — Д.Н. Вороненкова (КПРФ) и М.П. Максаковой-Игенбергс («Единая Россия») в марте 2015 г. Официальная привержен-

ность противоположным политико-идеологическим взглядам не явилась препятствием (Стрельцова, Хуртин, Новгородский 2015; Маेतная 2015). Это как раз то, о чем пишут Джон Хигли и его соавторы, характеризуя консенсусно-единые элиты.

Приведенный выше пример отличается от просто солидарности со «своими», что может носить как политико-идеологические основания, так и групповые, связанные с существованием нескольких властных клик, как например, в высказывании Л.Б. Нарусовой: «Мы <...> собираемся поддерживать нашего лидера [В.С. Черномырдина], плох он или хорош, на парламентских и президентских выборах» (Петербургская организация 1998: 3).

Существенным является и представления граждан о легитимности социального неравенства. Как справедливо писал Т. Парсонс: «В нашем обыденном понимании социального ранга содержится огромная доля моральной оценки» (Парсонс 2000: 356). Иерархия и группы, находящиеся на ее вершине, необходимо должны быть в той или иной степени легитимированы. Легитимация существования элит важна для поддержки и легитимации социального порядка и наоборот. Пропаганда естественности социального неравенства (либеральная идеология) в современных государствах осуществляется, в том числе, и через обоснование естественности социальной дифференциации, а также ее опривычиванием. *«Стратификационные системы представляют собой попытки снизить открытый конфликт по поводу распределения ценных в обществе товаров и услуг. Если система социальной стратификации установилась, способ, которым ценные товары и услуги распределяются, меньше нуждается в конфликте и агрессии, по крайней мере, на время»* (Kerbo 2006: 141).

Исследования показывают, что в России при признании несправедливой существующей большой дифференциации по доходам, вполне правомочным и естественным около половины считают само социальное неравенство в обществе (49% в опросе 2013 г.). Неравенство по доходам, основанное на разнице образования, квалификации и эффективности работы является правомочным почти для двух третей опрошенных (Мареева 2015: 113). Такого рода представления являются важным основанием для утверждения благоприятного ценностно-психологического фона, характерного для обществ со стабильными, в меру конфликтующими элитами (см.: Field, Higley 1980). В результате опривычивания и того, что можно условно назвать «буржуазной пропаган-

дой», среди молодых когорт легитимация социального неравенства более выражена¹.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Во многих современных определениях элиты, которые можно отнести к элитологическому мейнстриму, одной из существенных характеристик является регулярность и существенность их влияния и воздействия (Field, Higley 1980: 20; Burton, Gunther, Higley 1992: 8). Указывается также устойчивость (Higley, Moor, 2001: 176; Higley, Burton 2006: 7). Эти атрибуты напрямую соотносятся с функциями и следствиями бытования и действия институтов. Как указывает большинство исследователей, институты фиксируют устойчивость, рутинность, повторяемость, структурирование, нормирование. Более того, это свойство находится в самой природе институтов. Причем, здесь не столь важно, как они определяются — или как верования, поведение (Дюркгейм 1990: 405), методы мышления (Дюркгейм 1996: 6), устойчивые модели социального поведения или как система норм (Nee 2001: 19), системы устоявшихся правил (Ходжсон 2003: 11-12), публичная система правил, проявляющаяся в устойчивых взаимодействиях, учреждениях и отношениях (Ролз 1995: 61-62), рационально организованные сообщества (Вебер 1990: 537; Feibleman 1968: 20-21), совокупность индивидов, действующих в соответствии с общими для них правилами (Jones, Sulkin, Larsen 2003: 153-154) и т.д. В этом отношении элиты являются продуктом институциональных действий, но и сами они оказывают институционализирующее воздействие императивностью и монотонностью своей направляющей и управляющей деятельности.

Институционально-структурный аспект

Элиты существуют и функционируют в рамках исторически определенных устойчивых форм социальных отношений. Часть исследователей использует понятие институциональной матрицы для обозначения этого институционально-генетического аспекта функционирования власти, политики, отношений доминирования. Она задает базовые формы структурирования социетального, и с ней связаны дифференциации иногда обозначаемые как цивилизационные (см. напр. Кирдина 2004).

¹ Исследования в Литве это отчетливо показывают (см.: Алишаускене 2012).

Помимо такого макроанализа, возможно рассмотрение элит в связи с институтами, функционирующими внутри социальной структуры. Институты образуют определенные функционально связанные совокупности. Х. Герт и Ч.Р. Миллс определяли их как институциональные порядки (Gerth, Mills 1964: 25). Структура властных элит и их возможности в обществе связаны с контролируемыми ими порядками, соотношение и значимость которых во времени изменяется. Изменения, естественно, касаются также контролирующих групп, поскольку они в силу своего положения и функционирования непосредственно связаны с порядками, являясь их частью. Джеймс Фейблмэн отмечает: «Институт — это реально существующий объект, включающий социальную группу как свою неотъемлемую и необходимую часть» (Feibleman 1968: 20). Вместе с тем, необходимо отметить, что элита существует как группа в своем конкретном эмпирическом проявлении. Но как устоявшаяся форма, «организованная вокруг центральной цели» и «разбросанная во времени и пространстве» она существует как институт (см. там же).

Значимо также то, что формальное существование и реальное существование институтов смещено друг относительно друга. Формальное установление института еще не означает существование его. Отмена предшествует отмиранию. Укорененность институциональных форм определяет зависимый путь функционирования элит. В этом отношении контролирование и структурирование институциональных порядков может быть дисфункциональным. Кроме того, «однажды установленный институт начинает автономизироваться, обретает инертность и свою собственную логику. В своем развитии и в результате своего воздействия на общество он выходит за пределы своей функции, своих целей и «смысла своего бытия». Очевидно и обратное: то, что представляется «вначале» как единство институтов на службе общества, оборачивается служением общества институтам» (Касториadis 2003: 125). Элиты начинают разрушать основания своей деятельности, что приводит к их упадку.

Нормативно-институциональный аспект

Всякая социальная группа стремится к регулированию отношений внутри себя. Выработка внутригрупповых правил служит консолидации группы. Однако, как было сказано выше, преодоление стадии «абстрактности» элит в процессе их институционализации, для некоторых властных групп может оказаться серьезной проблемой.

Вопрос функционального единства элиты для внешнего наблюдателя часто нравственно окрашен. Возможность и способность решать общие проблемы страны вполне естественно толкуется как, во-первых, наличие определенных нравственных начал, связанных с ориентацией, прежде всего, на общее благо, а, во-вторых, как моральное единство. Последнее связано с существованием общих правил и норм, основанных на определенных позитивных идеях и воспринимаемых как основание взаимоотношений в данном сообществе, члены которого солидарно осуществляют общее дело. Представление о сбое в единстве или нравственных основаниях ведет к квалификации элиты как дисфункциональной. Вот, например, как характеризует украинскую элиту украинский социолог: «Во властную элиту прорвались некомпетентные, безответственные, циничные, завистливые, корыстолюбивые, нахрапистые и беспринципные люди. В ее среде происходили постоянные сговоры, подсиживания, измены, предательства. Вчерашние друзья, кумовья, соратники сегодня превращались в заклятых врагов» (Шульга 2011: 63)¹. Как видно, предлагаемый набор качеств, очевидно, не позволяет воспринимать данные властные группы как способные и легитимные.

Здесь, как представляется, существует три проблемы. Во-первых, становление властных групп не завершилось. Они не стали органической частью данного социума (стадия абстрактного существования), процесс их институционализации не закончился. Во-вторых, внутри общества существуют непримиримые противоречия, и элитные группы лишь эксплицируют их в своем поведении. Данная стадия развития общества и элит продуцирует крайне конфликтные внутриэлитные отношения (разъединенные, разобщенные, дезинтегрированные элиты). В-третьих, само общество именно так устроено ввиду нахождения его на переходной стадии к капиталистическому укладу. В связи с этим Макс Вебер писал: «Повсеместное господство *абсолютной* беззащитности и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются «отсталыми» по западноевропейским масштабам» (Вебер 1990: 78). Возможны сочетания указанных факторов.

¹ За десять лет до этого о неспособности украинской элиты выполнять свои функции украинские исследователи писали неоднократно (см., напр.: Качковский 2000; Ципко 2003; Тиравский 2003).

Трудности выработки единых норм существуют в любом случае. Но одновременно, это укрепляет демаркации и определенное отчуждение властных групп от остальной части населения. Другими словами, данное состояние групп доминирования оказывается важным для становления элит как обособленных групп, что стимулирует возникновение внутренних норм, работает на создание, закрепление и воспроизводство границ существования.

Асимметрия норм

Во всех политических системах существует асимметрия норм, понимаемая как принцип иерархического распределения возможностей и подчинения, закрепленный в нормативных актах. В этом смысле равноправия нет. Это связано с контролем над институтами, осуществляющими монополию на конечные решения, прежде всего, государства. В предельном случае речь идет о суверене. «Правовые системы изначально возникают для обеспечения защиты уникальных и частных привилегий элиты, в том числе привилегий учреждать организации. Организации, сформированные элитами, нередко содержат элементы как публичных, так и частных организаций» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 111-112). Со временем данная функция не исчезает, и в настоящее время также это возможно, что связано в том числе с принципиальным авторитаризмом высшего класса (Form, Rytina 1969: 30).

Сторонний (и находящийся внутри системы) наблюдатель может расценить поведение членов элиты как произвол, нарушающий закон. Так, например, депутат Госдумы РФ второго созыва давал следующую характеристику ельцинской элите: «Что делать, если в стране такая элита. Узколобая и близорукая. Люди, обязанные своим положением нести ответственность за судьбу своего народа, имеют психологию и мышление рыночных воров» (Никифоров 1999: 2).

Действительно, что касается общепризнанных и общеобязательных норм элиты довольно часто могут их нарушать. Особенно, если мы рассматриваем становящиеся общественные системы и элиты. Например, по данным исследования 2007 г. «Восприятие россиянами европейских ценностей» 60% опрошенных считают, что представители власти ощущают себя выше закона¹. Между тем, для членов властных групп проб-

¹ Опрос проведен Левада-центром среди 1600 жителей России в феврале 2007 г. (см.: Восприятие россиянами европейских ценностей 2007).

лема формулируется иначе: отклонение от заявленных легальных норм регулируется негласными корпоративными нормами («операциональный код» — Майкл Рейсмен) (Рейсмен 1988: гл.1) и в этом отношении индивидуальное своеволие невозможно. Базовые же общегражданские нормы могут игнорироваться. Частичная делигитимация общей нормативной системы, тем самым легитимирует частные, партикулярные нормы¹. Но не полностью. В современных условиях общественное мнение может не учитывать это «право» элиты. Показательно в этой связи «дело» бывшего министра обороны А.Э. Сердюкова. Его «неподсудность», увод от ответственности, связано не столько с рациональным решением спасти своего, сколько с действующими внутригрупповыми нормами. Он их не нарушал, поэтому с «элитной точки зрения» не заслуживал наказания. Публика же «проглотила», но не согласилась с безнаказанностью министра и его ближайшей сотрудницы Е.Н. Васильевой (см., напр.: Россияне о деле 2014; Россияне не верят 2014; Евгения Васильева 2015; УДО 2015).

Заявления, «легитимирующие» скепсис и сомнение в отношении существующей правовой системы, могут опираться на различные основания. Так, Сильвио Берлускони апеллировал к эффективности правительственной деятельности: «Если смотреть на ситуацию изнутри, то это — настоящий ад. Проблема не в том, что не хватает добрых намерений и хороших проектов. Но конституционная архитектура сильно затрудняет процесс превращения этих проектов в законы» (цит. по: Итальянская оппозиция возмущена 2010). Для дискурса Б.Н. Ельцина характерна была популистская отсылка к народу: «Я давал клятву НАРОДУ служить. Народу, а не кому-то еще...» (Ельцин 1994: 193). Джордж Вашингтон Планкитт², сенатор штата Нью-Йорк, непосредственно отсылал к интимности «внутреннего круга» властвующей группы: «Какая может быть конституция между друзьями?» (цит по: Рейсмен, 1988: 51). Майкл Рейсмен отмечал, что отличительной чертой элиты является уверенность «в том, что лежащее на ней особое бремя ответственности позволяет ей, а иногда просто побуждает вести себя ничем не ограничивая» (Рейсмен 1988: 51). В этом контексте машина Путина во время инаугурации без номерного знака выглядит совсем уж

¹ Но и корпоративные нормы могут иногда нарушаться высшими официальными корпорациями. О традиционном обществе см.: (Котов 2009).

² George Washington Plunkitt (1842–1924).

мелочью (Кортеж Путина 2012; Ростарчук 2012). Вместе с тем, для внешнего пользования формально признанные законы являются непрекаемыми. Показательна в этом отношении клятва на конституции, легитимирующая действия верховного принципала.

Достаточно отчетливым проявлением асимметрии права является исключение на основании закона представителей высших властных инстанций из сферы действия норм общего законодательства. В традиционном обществе это было обычным делом. «В римском праве император был источником закона и находился выше закона. Император был над законом и как частное лицо, и как социальная личность» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 132). В современной России в определенной мере схожий статус у президента. Прежде всего, это иммунитет в соответствии с Указом В.В. Путина от 31 декабря 1999 г. (Указ Президента 1999). Помимо этого существует, как указывалось выше, практика вывода от ответственности при соблюдении процессуальных норм.

Регулирование порядков

Как элиты выстраивают институциональное регулирование порядков? Прежде всего, через контроль над основным институтом, который в силу своего относительного отчуждения, то есть будучи независимым и стоящим над основной массой населения, но использующим его силу и волю, может автономно принимать решения, одновременно используя ресурсы всего общества. Этим институтом является государство. Элиты институционализируют себя в государстве. Собственно говоря, это разные стороны одного доминирующего и контролирующего института. Для большей части наблюдателей и исследователей они выступают как разные сущности, имеющие разную природу и основания. Для данного анализа эти дифференциации не столь важны, тем более, что различные научные подходы и (суб)дисциплины могут фиксировать разные стороны и объемы понятий «государство» и «элиты». Основным здесь является регулирование пространственно-временных характеристик индивидуального, группового и социального существования. Собственно, здесь элиты максимально проявляют свои властные возможности, задавая границы физического и социального существования. Существенно, что эта деятельность институциональная и институционализированная, другими словами, структурированная, формализованная, повторяющаяся, имеющая и задающая рамки деятельности социальным субъектам. Конечно, имеет смысл, скорее всего,

говорить о компетенции, иногда исключительной, а не о действии, имеющем абсолютный конечный результат. В социальном пространстве помимо государства и контролирующих его элит действуют и иные социальные акторы. В демократических обществах неэлитная активность может существенно корректировать интенции и саму деятельность элит. Однако, опираясь на легальность и легитимность своего статуса, элиты сохраняют свою фактическую позицию и роль суверена, в особенности относительно существенных для них сторон социума.

Основная *временная проблема* касается жизни и смерти. Определение институционализированной и отчужденной физической смерти максимально осуществляется в политике. Власть над жизнью, возможность положить предел существованию — выражение мощи института и институции, освоения ею публичного и частного пространства. «Суверен здесь осуществляет свое право на жизнь, лишь приводя в действие свое право убивать или воздерживаясь от того; свою власть над жизнью он маркирует лишь смертью, которую он в состоянии потребовать. Право, которое формулируется как право «на жизнь и на смерть», в действительности является правом *заставить* умереть или *сохранить* жизнь» (Фуко 1996: 239). Но смерть не является в данном случае результатом убийства. Процедура и ритуал превращают его в акт, скорее, бюрократический. Поэтому и название у него официальное — казнь. А должностное лицо, ее осуществляющее, — палач («казнодей» у В.С. Высоцкого). Деинституционализация казни не просто превращает ее в заурядное убийство, но и вторгается в прерогативу государственной и, поэтому, элитной сферы деятельности. Поэтому это может быть рассмотрено почти всегда как преступление.

Кроме физической смерти, возможно признание индивида или социальной группы более не существующими в публичном пространстве, лишение или существенное ограничение их прав — публичная смерть и публичная казнь. В частной индивидуальной или групповой жизни аналогией является бойкот, который, однако, приводит к другим последствиям.

Помимо этого, властные элиты имеют право создавать рамки повседневной частной и публичной деятельности. Это связано с возможностью упорядочивания временной размеренности жизни, такими как изменение календаря (в связи с революцией, изменением исчисления астрономического времени, религиозными или иными резонами), определение будней, праздников и т.п. (например, введение в 1930-е гг.

в СССР «непрерывной рабочей недели» («непрерывки»), которая была не семидневная, а пятидневная, что рассматривалось как одно из средств повышения производительности труда в промышленности) (см., напр.: Резолюция XVI съезда 1930: 728; Сталин 1949: 119-120). К этому же относится и регулирование продолжительности рабочего дня (см., напр.: Резолюция Пленума 1928).

Весьма актуальным в последние несколько лет в России оказалось определение времени на конкретных территориях, разбиение пространства на часовые пояса и перевод на зимнее/летнее время. Причем, рациональное обоснование происходит примерно такое же, что и при регулировании времени работы. Так, Д.А. Медведев так объяснил свою инициативу по отмене перехода на зимнее время с осени 2011 г.: «Мы не будем переходить на зимнее (время), мы один раз еще испытаем неприятность, потому что как раз переход на летнее время всегда — это уменьшение сна на один час, но после этого неприятности закончатся. В то же время у нас будет пролонгированный светлый день. Мне кажется, что это было бы интересно и для нашей страны, в общем и целом скорее полезно. Меня, во всяком случае, люди об этом неоднократно просили» (Троицкий 2011). Но оказалось, что это не стало «интересным» для страны, и через несколько лет эксперимент почти закончился. Этот пример весьма характерен с точки зрения автономии элит в своей институциональной деятельности. Мнение экспертного сообщества и простых граждан в момент принятия решения не учитывалось.

Официальные инстанции имеют прерогативу определения социального возраста: взрослые, дети, молодежь, престарелые, пенсионеры и т.п. Такая категоризация связана, в том числе, с определением функциональности индивида в рамках социетальной системы. Но эта функциональность задается не самим индивидом, а извне, в соответствии с деятельностью социальных институтов и интересами и логикой их регуляторов. Дискуссии последних двух лет в нашей стране относительно определения пенсионного возраста хорошо это демонстрируют.

Важным аспектом регулирования социального времени, его содержательности является определение прошлого, истории. Время истории также может быть предметом деятельности элит. Содержанием этой активности выступает определение исторических событий, прошлого бытия, формулирование бывшего: того, что было, и того, что не было. Причем, данная деятельность своим адресатом имеет не только граждан своей страны. Весьма иронично в связи с этим пишет А.В. Перцев:

«Уже в XX веке появилась целая государственная политика — содержать институты зарубежной истории, которые умело навьючивают на народы других стран все больший и больший исторический груз, постоянно напоминая об их неудачах, поражениях, поддерживая в них ощущение вины за содеянное в прошлом предками. Так подрывается дух других народов, их готовность к состязанию на мировой арене, их воля к борьбе» (Перцев 2015: 173).

Регулирование пространства и пространственных отношений элитой также многообразно. Прежде всего, это касается физико-географического и топографического пространства, включенного в социальные взаимодействия. Только официальные власти имеют право и возможность определять пределы своего и чужого. Это связано с функцией идентификации и демаркации: во-первых, своя земля и сопредельные страны. Во-вторых, это структурирование и определение своей территории (например, административное деление, наименование населенных пунктов и географических объектов и т.п.). В-третьих, ландшафтные изменения — повороты рек, создание водохранилищ («морей») и пр.

Помимо этого, государство осуществляет контроль над пространственным перемещением своего населения. Управляемая и направляемая миграция может быть важным инструментом решения экономических и социальных проблем, возникающих перед государством и элитами. Соответствующие институты — прописка, регистрация — и удостоверяющие документы (паспорт) являются инструментами такого контроля.

Одной из сущностных характеристик института и, соответственно, институциональных порядков является регулирование социальных взаимодействий. Создание принципиальных демаркаций в этой сфере идентифицирует не только участников взаимодействия, но и само взаимодействие. В этом отношении отграничение своих и чужих, друзей и врагов становится конституирующим актом. Враг может быть как внешний, так и внутренний. Для политической элиты эта функция оказывается ключевой¹.

Фиксация и определение социального состояния для властных групп относится к такой категоризации населения, которая позволяет

¹ Поскольку это является центральным отношением политической жизни (см.: Шмитт 1992; Рикёр 2002: 300).

достаточно эффективно осуществлять не только контроль и учет демографических ресурсов, но и проводить различного рода мобилизации. *В социальной сфере* — акты гражданского состояния (живой, мертвый, замужний, женатый и т.п.); определение форм семейного (моногамный или полигамный брак) и иного социального взаимодействия (социально-структурное, классовое, сословное положение индивида и групп). *Внутриполитически* — это обозначение социально-политических позиций и границ между ними. Современное государство фиксирует гражданские состояния не столь всеобъемлюще и жестко как в сословном обществе, но не менее определенно (также см. Бурдые 1999: 151). Номинация или сертификат (идентичность гражданина или налогоплательщика) выступают инструментальными субинститутами, обеспечивающими контроль в этой сфере. *Во внешней политике* — право прекращать мир и объявлять войну.

Поддержание стабильности общества в целом в немалой степени связано с *моральным порядком*, несмотря на то, что, как пишет Ричард Шварц, в современном западном обществе моральный порядок всегда проблематичен (Schwartz 1978: 577). Это связано с тем, что традиции и обычаи, в которых моральные нормы существуют в «растворенном» виде, уже не являются основными регуляторами взаимоотношений в обществе, и само общество в значительной степени плюрально. Моральные основания поведения, связанные с базовыми представлениями об индивидуальной ответственности и взаимных обязательствах, тем не менее, существуют. Элита несет персональную, групповую и институциональную ответственность. В отношении государственной службы и, соответственно, административной элиты важным регулятором выступают различного рода этические кодексы. В ряде стран они приняты в качестве обязательных норм (см. напр.: Колдушко 2015: гл.1). Возникает вопрос, касающийся обязательности норм: являются ли они нормами права, поскольку этические нормы, будучи законодательно закрепленными, уже становятся законом. В разных странах эта проблема решается по-разному. Вместе с тем, даже не являясь нормой права, фиксированные этические нормы задают пространство приемлемого с точки зрения общественной морали. Кроме того, они ориентированы на нормирование поведения тех категорий граждан и элиты, которые выполняют функции управления в рамках государственных структур, имеющих особое значение для всего общества. Поэтому эта сфера является весьма чувствительной для общественного мнения. Здесь не

только стоит вопрос о наиболее благоприятной презентации элит для публики, но и о функциональности элит в общей системе управления обществом, а также об упорядочении внутриэлитных взаимоотношений, их нормировании. Но есть еще сфера частной жизни, трудно поддающаяся непосредственному нормированию, или вообще не регулируемая. Однако она также находится в сфере внимания общества, поскольку «правила приличия» всеобщи, а претендующая на выразителя общих интересов и презентующая само общество группа должна символически демонстрировать общественную нравственность. Это очень важная сторона легитимации политического порядка и властных групп. Многочисленные скандалы и разоблачения не должны поколебать принципиальное доверие граждан к системе. Очень показательны в этом отношении сексуальные скандалы в США со своими ритуалами покаяния, восстановления общественной морали и т.п. Один лишь пример. После добровольной отставки губернатора штата Нью-Йорк Элиота Спитцера в марте 2008 г. в результате скандала с высокооплачиваемыми проститутками (выявленный случай — \$4300 за ночь), вступающий в должность губернатора его бывший заместитель Дэвид Пэтерсон, при приведении его к присяге сказал: «Эта сегодняшняя смена является историческим посланием миру о том, что мы живем в соответствии с теми ценностям, которые мы заявляем, и что мы являемся правлением законов, а не индивидов» (Paterson 2008: 4). Восторжествовали не только мораль и право, но и «политическая формула» («формула управления»). В более скрытых от общественности практиках, как отмечают ученые, члены высокостатусных групп в большей степени склонны нарушать моральные нормы, чем другие граждане (Чем выше социальный статус 2012).

В условиях национального кризиса может наступить тотальная ответственность. Элиты отвечают за всё, что происходит. Альберт Шпеер, повествуя о Нюрнбергском процессе, прямо говорит, что «осуждение властной элиты позволяло не возлагать всю вину на немецкий народ» (Шпеер 1997: 680). Конечно, актуализация такой ответственности возможна в случае поражения элиты. Суть ее в том числе — в минимизации коллективной травмы.

Поскольку поддержание существующего порядка невозможно без обеспечения стабильного положения основного регулятора, то контроль и обеспечение действия институтов собственного воспроизводства находятся в центре внимания властных групп. Содержательно —

это деятельность, направленная на себя, на свое собственное структурирование и опривычивание. Важное значение в этом ряду имеет элитное образование.

Ресурсные основания институциональной деятельности

Властные элиты контролируют общественные ресурсы и монопольно решают, кто и как их может использовать (потреблять). Вместе с тем, они зависят от существующих в обществе разнообразных ресурсов, используемых ими для своего функционирования. Роберт Престус в самом определении элит показывает их существенную и даже конституирующую роль: «Элиты могут быть определены как меньшинство, пользующееся большей частью таких дефицитных и высоко ценимых ресурсов, как безопасность, престиж, доход и власть» (Presthus, 1974: 332). Но помимо такой «эгоистической» самонаправленности в использовании ресурсов, важным является системное свойство ресурсов. Э. Гидденс указывает, что ресурсы выступают средством осуществления власти как рутинной составляющей поведения в процессе социального воспроизводства (Гидденс, 2003: 57.). Однако, ресурсы могут быть рассмотрены не только как инструменты групп доминирования¹. Они выступают средством и способом связи между элитами и остальной частью граждан. Ч. Тилли в связи с этим пишет, что политические ресурсы привязывают гражданина к государству и провоцируют людей на участие в политике. Состоят же они из принуждения, капитала и обязательств (Тилли 2007: 110). Таким образом, ресурсы задают существенные институциональные связи, поддерживая существующие институциональные порядки. Элиты выступают здесь главными их потребителями. Одновременно они задают ресурсам определенную структуру и форму.

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Культура предполагает пространственно-временную индивидуализацию властных групп, возникающую в процессе исторической эволюции конкретного социума, связанной с приспособлением к окружающей

¹ Следует добавить, что они являются также важным ограничителем численности элиты (ранее об этом упоминалось в связи со структурным оптимумом). Помимо этого, необходимо различать инструментальные и инфра-ресурсы (см.: Rogers 1974).

социальной и природной среде. Элиты в этом отношении неотделимы от основной массы населения. Базовые ценностные ориентации являются экспликациями адаптивного опыта, рамками социальной активности и маркерами индивидуализации. Именно они определяют как внутри-элитные взаимоотношения, так и тип социальности — отношение различных групп населения к власти и отношение их между собой в отношении политической власти (Ф. Фюре). В этом отношении вокруг этих ориентаций центрируются смысловые универсумы (П. Бергер и Т. Лукман). Способы, которыми властные группы себя идентифицируют и задают демаркации, варьируются во времени и пространстве. Однако, можно выделить определенные культурные константы, характерные для тех или иных обществ. Собственно, это они создают специфику политической культуры и политики — российской, китайской, французской и т.п.

Прежде всего, элиты должны быть культурно определены, то есть внешне, публично эксплицированы. «Культура публична, потому что публичны коммуникация и значение» (Гирц 2004: 19). Данная определенность имеет два измерения: внутреннее и внешнее. Первое связано с самоидентификацией членов элитного сообщества и созданием культурных демаркаций с иными социальными группами, воспитанием ощущения и осознания «своего круга». Второе связано с восприятием элитой общей культуры страны, данной нации, этноса как своей и проявлением ее в своей повседневной практике.

Эмпирическим фактом является многомерность индивидов, в том числе и элитных персон. «Роль, которую индивид имеет право занимать, должна быть совместима со всеми остальными социальными позициями (ролями), в которые он вовлечен частью своей личности» (Шютц 200: 309). Это проблема не только внутренней согласованности в рамках данных структур. Позиции и роли индивидов должны быть культурно непротиворечивы. Например, если в одном обществе допускается занятие элитных позиций индивидом с «нетрадиционной» сексуальной ориентацией или адепту чужестранных религиозных культов, то в других — нет.

Внутренняя культурная определенность

В многосоставных мультикультуральных обществах элитная культурная идентичность в наибольшей степени становится очевидной. Исследуя американскую элиту, Дигби Балтзел отмечал, что класс становится независимой переменной в социальных отношениях на высших

уровнях общества, замещая религию, этничность и расу. И это различие между элитой и остальным обществом в большей степени проявляется в третьем, чем в первом или втором поколении элиты (Baltzell 1987: 63). И, в определенном смысле, элитные персоны — выходцы из социальных меньшинств становятся маргиналами (см. там же: 64-70). Здесь важно, что в отношении элит действует механизм плавильного котла, создавая более или менее единую элиту. Причем в устойчивых во времени системах действует механизм абсорбции, способствующий созданию гомогенности. Внутреннее давление и «укрошение» индивидов, которые проявляют «фронду», заканчивается победой группы. Великий князь Александр Михайлович, дядя Николая II описывает постепенное подчинение требованиям, предъявляемым членам властного сообщества: «В той внутренней борьбе, которая происходила в моей душе, человеческое заметно слабело перед великокняжеским» (Великий князь 2014: 91). В этом отношении внутренние нормативно-культурные механизмы действуют на создание общего социального пространства, в рамках которого только и возможно консолидированное существование сообщества. Как отмечал Т. Веблен: «Можно примириться с изменой вере, но с нарушением этикета — нельзя. “Манеры делают человека”» (Веблен 1984: 93). Но они и создают внутренний круг, обладающий данными манерами. Важное значение имеют специальные культурные практики, создающие своих. Например, приемы, балы и т.п. (Ежегодный рождественский бал 2015).

Однако вышесказанное можно отнести к обществам, в которых, по словам Уолтера Розенбаума, наличествует интегрированная политическая культура (Rosenbaum 1975). Фрагментированные общества демонстрируют политическую культуру элит, в основе которой базовые ценности могут быть разнонаправленными.

Замечание М.М. Пришвина — «Интеллигентный человек от простого и простой от животного отличаются разными отношениями в представлении себя во времени» (Пришвин 1995: 33) — верно и в отношении элит. Элиты в силу своей роли в социуме имеют более широкий временной горизонт, как ретроспективно, так и перспективно. Собственно, это относится к любым группам доминирования. С одной стороны, они стремятся обозначить свою укорененность, ссылаясь на длительность своей встроенности в общество, «общественного служения». Причем, данный дискурс относится как к индивидуальному, так и групповому существованию. В наибольшей степени это проявляется

в традиционном обществе, что естественно связано с традиционной легитимацией власти и властных групп¹. А также и нормам, регулирующим публичное пространство. Ставшая общим местом в рассуждениях XIX века, эта направленность правовой мысли обнаруживается в практически одновременно написанных суждениях в разных странах. Мысли Франсуа Гизо — «Политическая законность есть право, основанное на давности, продолжительности; первенство во времени признается источником права, доказательством законности власти», (Гизо 1905: 47) — вторит П.Я. Чаадаев: «Нет иного права, кроме права *давности*» (Чаадаев 1991: 444). Но и в современном обществе отсылка к прошлому имеет существенное значение. Она приобретает зачастую иные формы (см.: Манхейм 2000: 204-205). Но в отношении самопрезентации элиты многое сохраняется (см. напр.: Уорнер 2000). Часть исследователей вполне соглашается с тем, что «освящение временем обладания властью и деньгами», а также подчеркивание семейного происхождения существенным образом характеризует элиту старого образца (Goldschmidt 1950: 494).

Вместе с тем, также существует и привязка к современному культурно-временному контексту: «Сейчас так принято, надо и т.п.», что связано с традиционным обоснованием деятельности и целеполагания. Элита вынуждена обращаться к легитимирующей традиционности. В этом заключается очевидный парадокс, поскольку логика традиционного общества противоречит современному по своим основаниям, принципам. Современность рассматривается как прошлое, вот-вот ставшее настоящим. Время необходимо для того, чтобы стать «принятым сейчас». В этом отношении «сейчас» двойственно, что позволяет подвергнуть его критике и отрицанию с разных позиций.

В высоко конкурентном обществе, а также в период социального перехода связь с прошлым может быть использована группами, стремящимися к власти, для диффамации действующих, актуальных элит. Контр-элиты выстраивают свою символическую политику через отрицание прошлого. Это их важный ресурс. Тем более, что, как справедливо указывает Т. Веблен, «существующие в наши дни институты — при-

¹ Например, поиск легитимирующих предков. Так, Иван Грозный вел свою родословную от брата Августа кесаря Пруса (Иван Грозный 1567, 1573, 1577). Нарышкины вели свое происхождение от упоминаемого Тацитом германского племени наристов (см.: Унбегаун 1989: 3).

нятая в настоящее время система общественной жизни — не совсем подходят к сегодняшней ситуации» (Веблен 1984: 202). Это естественное «запаздывание» выступает сильнейшим аргументом «младозелит», демонстрирующими себя носителями прогресса, инноваций, и тем самым релевантным требованиям времени, чувствующим его динамику.

Социальная дистанция.

Ощущение элиты себя в социальном пространстве является частью субъективного смысла группового членства. Действующая система типизации и релевантностей позволяет ощущать гомогенность группы, но и отличность ее от других (см.: Щютц 2003: 287-290). Механизм дистанцирования позволяет иерархические взаимоотношения оформить в культурно релевантные для данного общества формы. Как утверждал Карл Мангейм, «вертикальная дистанция является главным механизмом, посредством которого правящие круги удерживают в своих руках власть» (Мангейм, 2000: 198)¹. Они стремятся создать символическое доминирование, используя целый набор способов, с помощью которых элиты развивают и распространяют категоризации ценимых в данном обществе благ, ролей и действий (McDonogh 1991: 323-345). К этому относятся места поселения. И пока не завершен процесс пространственной сегрегации, говорить об устойчивости элит преждевременно. Символическая дистанция подтверждается пространственной. Но также удерживается иерархия внутри элиты. Чувство дистанции у элитных персон бывает достаточно сильным. Так, например, А.В. Коржаков вспоминает, как Б.Н. Ельцин прореагировал на приглашение Р.И. Хасбулатовым своего массажиста в совместную баню: «Борис Николаевич присутствие массажиста вытерпел, но я уже знал — самого Хасбулатова он дольше терпеть не станет» (Коржаков 2012: 127). Сам Ельцин дистанцию не только держал, но и отчетливо артикулировал ее наличие (Ельцин 2000: 349). Хотя в ранний период борьбы за власть он всячески публично выступал за ее сокращение. Например, поездки на общественном транспорте, походы в магазины и т.п.

Президент США Линдон Джонсон после вступления в должность сразу же «почувствовал» дистанцию между собой и всеми остальными:

¹ Данное высказывание относится к додемократическим культурам. Но как писал автор, в демократических обществах дистанция не устраняется. Она становится меньше и приобретает иные формы.

«Именно в этот момент я понял, что ничто уже не будет прежним. Теперь нас разделяла стена — высокая, внушительная, исторически сложившаяся стена, обусловленная должностью президента Соединенных Штатов. Никто, кроме членов моей семьи, никогда не проникнет через нее, пока я занимаю этот пост. Для старых друзей, которые никогда не называли меня иначе, как Линдон, я теперь буду «г-ном президентом». Пугающая, тревожная перспектива» (Джонсон 1972: 100). Здесь примечательно и то, что Джонсон прочувствовал также необходимость поддержания дистанции, он принял правила игры, включающие ролевое поведение. Роль предполагает «взаимно соотнесенные ожидания» (Парсонс, Шилз 2000: 448). Все остальные акторы, включенные в процесс взаимодействия, ожидают выстраивания дистанции и участвуют в этом процессе. Такая в известной мере деперсонификация функциональна и до некоторой степени комфортна для всех, поскольку существует предсказуемость поведения и поступков.

Попытка выйти за пределы статусного круга, сократить дистанцию может пресекаться даже у достаточно авторитарных персон. Альберт Шпеер в своих мемуарах приводит достаточно красноречивый пример: «В 1934 году в дни партийного съезда в присутствии Гитлера был продемонстрирован поединок на шпагах. В тот же вечер Гитлер впервые посетил солдатский бивак. Как бывший ефрейтор, он словно окунулся в родную стихию: у лагерных костров он смешался с толпой солдат, его обступили со всех сторон, посыпались шуточки. После этой встречи Гитлер вернулся как бы раскрепощенный и за торопливой трапезой вспоминал отдельные примечательные детали.

Однако армейское командование никоим образом не пришло в восторг. Адьютант Хосбах говорил «об отсутствии дисциплины» среди солдат, которые при встрече с главой государства забыли про должную парадную выправку. И поэтому он настоял, чтобы на следующий год подобным фамильярностям не было места, ибо это не согласуется с достоинством главы государства. В узком кругу Гитлер — хотя и с готовностью повиноваться — выразил неудовольствие по поводу критики. Я был очень удивлен, можно сказать, беспомощной покорностью Гитлера, когда он вплотную столкнулся с этими требованиями. Возможно, он из тактических соображений проявлял известную осторожность по отношению к армии, а возможно, из еще недостаточно окрепшей веры в себя как в главу государства» (Шпеер 1997: 103-104). Но глава государства не произволен в своих действиях, особенно в публичной сфере.

В традиционном обществе ролевое поведение властных персон определялось и контролировалось более жестко. Например, византийский император обязан был на публике демонстрировать свое величие и благосклонность, благочестие и великодушие, благосклонность, проявлять отзывчивость к просителям. «Но идея, столь популярная в наше время, что правитель должен непринужденно болтать с «человеком улицы», возмутила бы религиозные чувства византийцев и их представления о приличиях. Император, который подобно Михаилу III, стал бы снисходить до фамильярности со своими подданными, вызвал бы у них только недоумение и не мог рассчитывать на любовь. <...> Почтение к божественной власти императора и патриарха не мешало, однако, византийцам бунтовать против всякого, кто им казался недостойным этого места. Даже тогда они восставали против конкретной личности, а не против его священной функции. Они восставали в конечном счете ради сохранения своих идеалов» (Рансимен 1998: 199). Снижение дистанции разрушает представление о должном социальном порядке. И тем самым подрывает основание существования всех в данном социуме. Понятно, что каждый социум вырабатывал свои допустимые границы ролевого поведения и дистанции.

Если мы вспомним реакцию публики на «не статусное» публичное поведение жен Николая II и М.С. Горбачева, то увидим, что основная проблема в том, что они тем самым покушались на *тотальность роли Первого лица*, что шло вразрез с ожидаемым распределением ролей в рамках отечественной политической культуры. Отсюда и восприятие этих Первых лиц как слабых правителей. Конечно, неприятие активности первых жён не было всеобщим. Но у значительной части населения оно определенно присутствовало.

Достаточно универсальным средством дистанцирования является демонстративное поведение, о чем красноречиво писал Т. Веблен. Оно весьма эффективно в силу своей визуальности. У. Уорнер добавляет важную деталь: «Эффективность демонстративного потребления для повышения статуса определяется его формой и стилем» (Уорнер 2000: 52). Это очень существенно для персон, стремящихся войти в прежде закрытый для них элитный круг. Однако развитое буржуазное общество демонстрирует возможность разностилевого поведения. Помимо этого, уже находясь наверху и не будучи там новичком, можно не обращать внимания на нюансы и некоторые несоответствия. Здесь иной приоритет. Как сказал специалист по люксовой недвижимости Мики Конлон

из крупнейшей в Нью-Йорке риэлтерской компании «Даглас Эллиман»: «Это такая ментальность — “Я собираюсь купить самый большой дом, и каждый будет говорить об этом, и каждый будет знать об этом. Я — король мира”» (Kussin 2015). Современные российские элиты демонстрируют свою инакость с помощью демонстративного потребления и поведения, где роскошь является важным элементом. Это несколько диссонирует с современными тенденциями в развитых странах, но, как отмечает А.А. Васильев, сегодняшнее изобилие напоказ — реакция на социалистические годы (Васильев 2009: 103). И как писал Вернер Зомбарт, капитализм коммунизирует образ жизни и коллективизирует роскошь. Она становится публичной (Зомбарт 2008: 151). И мы видим создаваемую дворцовую обстановку в органах власти (см., напр.: Петлянова 2009: 19-20), блистательные корпоративы, коллективные праздники жизни (см., напр.: Кремль разочаровался 2015) и т.п. В этом же ряду находится и стремление демонстрировать корпоративную (и, тем самым, свою) мощь и доминирование. Примером может служить попытка «Газпрома» в 2006-2010 гг. построить в историческом центре Санкт-Петербурга небоскрёб высотой 396 метров¹.

Самоидентификация элит в кризисных обществах

В обществах после большой социетальной катастрофы (к которым можно отнести поражение в войне, утрату независимости, революцию) самоидентификация социальных групп и отдельных индивидов может быть серьезно искажена. Любопытное исследование, проведенное Моррисом Яновитцем в середине 1950-х годов в ФРГ дало неожиданные результаты. Граждан (выборка репрезентативная) просили дать самооценку по шкале социальной стратификации. Указавших, что они принадлежат к «высшему классу» оказалось 1,9% — 64 человека. При проверке выяснилось, что 10 было крестьянами, 5 — рабочими, 18 — конторскими служащими или служащими промежуточного ранга (Dahrendorf 1969: 253-254). Такая социальная дезориентация приводит к ощущению в обществе, что место наверху пусто (там же: 254).

Отечественные исследования 1990-х гг. фиксировали, что самоидентификация элитных персон не всегда соответствовала их статусу. В частности, исследование, проведенное в 1998 г. Санкт-Петербургским филиалом Института социологии РАН (сейчас — Социологический

¹ О конфликте вокруг этого проекта см.: (Вишневский 2011).

институт РАН) при поддержке фонда имени Фридриха Эберта «Элита Санкт-Петербурга и Ленинградской области: политические и экономические ориентации»¹ показало, что только 5 % респондентов отнесли себя к элите. Основная масса опрошенных заявила о своей принадлежности к среднему классу (93 %), меньшинство (2 %) — к низшему слою общества. Существенные расхождения в позициях различных групп элит (элиты Санкт-Петербурга и Ленинградской области; политической, административной, экономической, профсоюзной) отсутствовало. Такая ситуация не была исключительной для элиты нашего региона. Она же выступала одним из факторов снижения значения и роли элит в социальной структуре и социетальном функционировании в представлении публики и части исследователей. Отсюда несколько дискуссий в российском обществоведении относительно наличия и качества элиты в России².

Помимо этого, в кризисных (трансформирующихся) обществах существовавшие базовые легитимации также проблематизируются. Элиты могут функционировать, поскольку они культурно оправданы и признаются населением как естественные доминирующие лица (группы), а их культура как «высокая». Легитимация в данном случае связана, прежде всего, с базовыми ориентациями в отношении иерархических структур в обществе (см.: Field, Higley 1980: 25-32). Что показательно, в стабильных социумах низшие страты в большей степени, чем высшие воспринимают нормативные представления о системе власти и доми-

¹ В ходе исследования было опрошено 155 человек. Для анализа взято 129 анкет. 98 опрошенных являлись представителями элитных групп Санкт-Петербурга, 31 — Ленинградской области (76 % и 24 % соответственно). Региональная политическая элита была представлена 33 респондентами, административная элита — 25 опрошенными, экономическая элита — 58. 13 человек — профсоюзные лидеры. Сбор данных осуществлялся методом анкетного опроса (апрель-июнь 1998 г.). Основные результаты были опубликованы в монографии (Региональные элиты 2001). Однако данные по самоидентификации в книгу не вошли.

² Начало дискуссии было положено статьей Ж.Т. Тощенко (Тощенко 1999). В 2007 г. в журнале «Общество и экономика» появились статья Т. Койчуева (Койчуев 2007). В рамках данной дискуссии там же в 2008 году были опубликованы ответные статьи О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Дуки, В.Г. Ледяева, В.П. Мохова, А.Е. Чириковой. На Украине о такого же рода проблеме см.: (Полищук 2007).

нирования в обществе как реально существующие. В этом отношении власть может не восприниматься как власть, что обеспечивает большую легитимность элитам (Form, Rytina 1969).

Ситуация кризиса провоцирует общее ощущение нестабильности. Возвращение к «истокам» часто представляется спасительным якорем. В этих условиях традиционализация и архаизация, социетальный регресс, наблюдаемый в ряде обществ, охватывает все слои. Элиты «возглавляют» этот процесс. В постсоветских обществах это особенно очевидно на Северном Кавказе, в Средней Азии и ряде других регионов. В этом ряду стоит и усиливающаяся роль религиозных объединений, и повышенная религиозность членов элитного сообщества.

Чужие свои

Второе измерение фиксирует воспринимаемую неэлитами одновременную включенность элиты в общий контекст культуры данного социума, то есть, восприятие элитных персон как «своих», и инаковость элиты, имеющую свою культуру. В этом отношении определение Георга Зиммеля «чужака» очень релевантно: «единство близости и удаленности» (Зиммель 2008: 7). Власть и элиты должны быть необходимо отчуждены от остального населения. Именно это обеспечивает их автономность при принятии решений и возможность использовать отчужденную институциональную силу. Это замечено было давно. В этой связи представления об этнической «чужести» элиты, связанной с завоевателями данной территории вполне соотносятся с фиксируемой культурной инаковостью (Гумплович 1899: 184-185).

Но «чужесть» не должна быть чрезмерной, иначе невозможно ориентироваться низшим категориям населения на элиту, что является необходимой частью доминирования — через гегемонию. У Льва Толстого в «Войне и мире» танец Наташи Ростовской у дядюшки культурно снимает повседневное противопоставление культуры дворянства и народа. Они оказываются в одном культурном пространстве. Вот как описывает это писатель: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-французенкой, — этот дух, откуда она взяла эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка» (Толстой 1938: 267). Действительность, конечно, сложнее. Сын Льва Николаевича в своих воспоминаниях дает Примеча-

тельную характеристику своему отцу: «По своему рождению, по воспитанию и по манерам отец был настоящий аристократ. Несмотря на его рабочую блузу, которую он неизменно носил, несмотря на его полное пренебрежение ко всем предрассудкам барства, он барином был и барином он остался до самого конца своих дней» (Толстой 2000: 87). Манеры поведения, дающие окружающим понять социальное положение, являются важным маркером: «Власть князя проявляется не столько в конкретных действиях, сколько в его облике и стиле жизни» (Юнгер 2000:92). Причем, проникая в художественную литературу, описываемые особенности становятся определенным ориентиром не только для сочинителей, но и для живых носителей культурных образцов. Гораций Уолпол в середине восемнадцатого века пишет: «Какими бы глубокими, сильными или даже мучительными ни были душевные переживания монархов и героев, они не вызывают сходных чувств у слуг; по крайней мере, слуги никогда не выражают их с таким достоинством как господа, и потому навязывать им такую манеру недопустимо. Позволю себе высказать суждение, что контраст между возвышенностью одних и naïveté [наивности] других лишь резче оттеняет патетический характер первых» (Уолпол 2011: 51). Представления о биологической обусловленности особенности достаточно широко были распространены и становились едва ли не общим местом: «Невозможно отрицать значение выдающихся родов, породы, и если люди избранной породы оказываются безобразными и не представительными, тут уж поверьте мне — дело неспроста» (Башкирцева 2014: 351¹). Суждения Марии Константиновны Башкирцевой примечательны, поскольку это взгляд художницы, родом из провинциального полтавского дворянства (хотя и увлекавшейся европейскими аристократами). Такое стереотипное приписывание замечательных характеристик высшим группам весьма распространено и типично и не только для традиционных обществ. Почти в то же время кардинал Ньюмэн описывал черты джентльмена в исключительно положительных словах и утверждал, что найти такое «чудо» возможно только в высшем обществе. Не без некоторого ехидства Абнер Коэн назвал это «мистикой элитности», указывая, что это не какая-то идеологическая формула, а образ жизни, проявляющийся в символическом поведении (Cohen 1981: 2-3). Стремление «быть джентльменом» возможно, конечно, и без принадлежности к английско-

¹ Запись в дневнике от 11.05.1878.

му высшему обществу. Спрэг де Камп в биографии американского писателя Говарда Лавкрафта пишет, что он «являл собой пример викторианского идеала джентльмена: вежливый, благородный, уравновешенный, невозмутимый, обладающий хорошим вкусом, утонченный, любезный, почтенный, правдивый, скромный, рыцарственный, прямой и осознающий свое классовое превосходство» (де Камп 2008: 73). И это в начале двадцатого века в Новой Англии¹. Конечно, предрассудки, то есть «рационализации и институционализации основополагающего «главного мифа», на котором основывается самоинтерпретация группы» (Щютц 2003:298) в такого рода социальных дифференциациях играют чуть ли не главную роль. В данном случае «главный миф» связан с непреходящим превосходством.

Здесь есть одна существенная деталь, которой Вильфредо Парето уделяет особое внимание. Описывая чувства иерархии, без которых невозможно общество, и которые присущи всем и наблюдаются у животных и людей, он показывает дифференциацию этих чувств, разделяющих элиту и низшие группы. «*Чувства высших*. Это чувства покровительства и благосклонности; часто к ним добавляются чувства господства, превосходства и надменности» (Парето 2008: 164). В противоположность им — «*Чувства низших*. Это чувства зависимости, привязанности, уважения, почтения и страха. <...> Авторитет признают в том, кто обладает некоторыми реальными или мнимыми чертами превосходства» (Там же). Культивирование, развитие «культы элитности» (Абнер Коэн) происходит с двух сторон. Легитимация господства и легитимация подчинения находят согласие в превосходстве элиты, которая, тем не менее, своя. Показательны в этом отношении воспоминания Д.Т. Шепилова: «В ту пору [в 1949 г.] я в высшей степени идеалистически (в самом прекрасном значении этого слова) воспринимал все, что относилось к руководству партии, ее Центральному Комитету и аппарату ЦК. Каждый член Политбюро в моих глазах был тогда олицетворением самых благородных и возвышенных черт и морально-политических качеств. Каждое решение ЦК и даже указание аппарата ЦК воспринимались мной как святыня» (Шепилов 2001: 148-149). описы-

¹ В начале XXI века использование дискурса «джентльменства» для подчеркивания своего превосходящего иные профессии статуса, и связанного с ним морального и интеллектуального превосходства также практикуется (см.: Phillips 2007).

ваемые чувства принадлежат автору, бывшему в то время заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. Сакральность аппарата власти и его указаний в высшей степени индоктринированных режимах является общим местом. Портреты и другие изображения «вождей» являлись в такой же степени священными, как и в любом традиционном обществе. В воспоминаниях одного из участников китайской «культурной революции» содержится эпизод случайного разбития бюста Мао. Событие относится к 1969 году. «Разбить бюст председателя Мао — это тягчайшее преступление, заслуживающее смертной казни!». В результате несколько сот человек по своему почину, внутреннему зову, без приказа, вдали от населенных пунктов, на проселочной дороге встали на колени и в течение нескольких часов просили прощение у председателя Мао (Фэн Цзицай 2015: 156-157). Подобное дистанцирование на основании фанатичной преданности¹ можно было наблюдать и в европейских обществах двадцатого века, при том, что формально легитимизирующим власть и властные практики был «народ».

Преодоление неопределенности

В условиях социальных переворотов образцы и критерии «элитности» могут быть кардинально пересмотрены в виду их связанности с доминирующей культурой. Меняется и легитимность. Однако в процессе борьбы различные группы, рвущиеся к власти, могут выработать, усвоить, ориентироваться на различные культурные комплексы, ценностные ориентации и образцы поведения, отвергая при этом старую культуру. Показательной в этом контексте является оценка Н. Осинским (В.В. Оболенским) культурной дифференциации среди большевистского руководства в 1920 году: «То, что происходит сейчас на съезде, есть столкновение нескольких культур, ибо наше строительство породило различные культуры. Мы создали военно-советскую культуру, гражданскую советскую культуру, и, наконец, профессиональное движение создало свою сферу культуры. Каждая из этих форм нашего движения имеет свой подход к вещам, создала свои навыки. Тов. Троцкий ставил вопрос с точки зрения человека, вышедшего из сферы военной культуры; мы подходим к нему с точки зрения гражданской сферы и, наконец, своеобразно поставили его товарищи профессионалисты, и поставили

¹ Показательно, что в нацистской Германии эпитет «фанатичный» приобрел позитивный смысл (см.: Клемперер 1998: 79; также см.: Гюнтер 2013: 41-42).

его хуже всего, поскольку рассуждали долгое время только о том, что надо рабочий класс уберечь от милитаризации, что нужен вольный труд и т.д.» (Осинский 1960: 115). Соответственно, роль лидера, вождя в этих культурах была различной. Политико-культурная связь с населением предполагалась разная. Побеждала группа и культура, в наибольшей степени релевантная данной исторической и политической ситуации, имеющая большие ресурсы и максимальную поддержку. «Ночь длинных ножей» в Германии (1934 г.), когда были ликвидированы руководители штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом, а заодно и Георг Штрассер (один из лидеров социалистического крыла партии), помимо чисто властной борьбы, имела и значительный культурный аспект, о чем не раз писалось. «Великая пролетарская культурная революция» в Китае (1966-1976) одним из своих программных пунктов имела «уничтожение четырех старых» — старую культуру, идеологию, нравы и обычаи. И вместе с тем, уничтожалась ориентация на некоторые культурные основания власти. Весьма показательна в этом плане компания «Критики Линь Бяо и Конфуция».

Конечно, как отмечают исследователи, обладая преимущественным доступом к инструментам общественной культуры, элиты определяют в основном общественный дискурс, определяют и переопределяют значения публичных символов (Hunter 1991: 59). Вместе с тем, возможны и тенденции к отторжению элиты вследствие культурного диссонанса. Так, элита части обществ запаздывающего модерна (в большинстве это постколониальные общества) может культурно ориентироваться на образцы, не принимаемые основной частью населения. Она скорее хочет быть элитой интернациональной, чтобы ее принимали в международных центрах принятия решений. Данный эффект усиливается и глобализационными процессами. Например, Ариф Хасан, анализируя политическую культуру пакистанской элиты, отмечает ее отчужденность от культуры традиционной для страны. Как он пишет, новое поколение элиты англоязычно, ориентируется на западное образование, не имеет связи с литературой собственной страны, ее историей, географией, и даже физически она локализована в иные пространства, чем основное население. Всё это создает культурную поляризацию с негативными политическими следствиями (Hasan 2002). Похожую ситуацию можно было видеть в Иране в конце шахского режима во время так называемой «Белой революции» (Капушицкий 2007: 236-237). В российских условиях не идентичную, но схожую картину можно было наблюдать

в 1990-е годы, что позволило ряду аналитиков говорить о компрадорском характере ельцинского режима.

В этом контексте следует сказать о разных ожиданиях и ориентациях внешних наблюдателей (и заинтересованных групп) и населения страны. Немецкие журналисты так описывают эту противоречивую ситуацию: «Но немцам придется столкнуться с некоторыми неудобными истинами тоже. Например, что на по-настоящему честных выборах в России не обязательно победят прозападные политики, но с большей вероятностью — националистические шовинисты. Или то, что большинство россиян считают судебный приговор на двухлетнее тюремное заключение, вынесенный членам феминистской группы Pussy Riot, слишком мягким. Или то, что большинство россиян предпочли бы вновь ввести смертную казнь, и сделать это как можно раньше, чем позже. Другими словами, что большинство россиян, вероятно, хотят совсем другой России, чем ту, о которой мы мечтаем у себя на Западе» (Spiegel 2012). Отсюда возникает проблема выбора поведения и проведения конкретной политики национальной элитой. Здесь дилемма не только культурных ориентаций, но и необходимости демонстрации принадлежности элиты к общей культуре своей страны. И мы видим, что в современной России властные группы и население сильно не расходятся в публично провозглашаемых ценностях. Для стороннего наблюдателя это может восприниматься как некоторый отход от провозглашенных ранее ориентиров и доминирование иной элиты (см., напр.: Россия боится 2006: 7). Но как верно было отмечено исследователями, деление российской элиты на «либералов» и сторонников авторитарного пути очень условно (Kryshtanovskaya, White 2005: 1071). С начала 2000-х годов стало вполне очевидно, что в мировой клуб глобальной элиты по-настоящему наши лидеры не будут допущены. Выстраивание собственной ценностной рамки в этом отношении оказывается релевантным базовым ожиданиям и историческому пути.

Элита не только может ориентироваться на общий национальный миф, который она усиленно культивирует. Она и сама им «пленена». Вера в единство часто искренняя, и она имеет основания. Слова Хилари Клинтон об этом вполне отвечают положению вещей: «Все то, чем я занималась и с чем встречалась, убедило меня в том, что Америка остается «незаменимой нацией». Наряду с этим я убеждена в том, что наше лидерство в мире не является нашим правом по рождению. Каждое поколение американцев должно отстаивать это право. И так будет продол-

жаться до тех пор, пока мы будем оставаться верными нашим ценностям и помнить, что мы, прежде всего, не республиканцы или демократы, либералы или консерваторы (все эти и любые другие ярлыки не столько обозначают нас, сколько разделяют), а американцы, каждый из нас — частичка своей страны» (Родэм Клинтон 2016: 10). Об этом же пишет и Барак Обама: «Не важно, насколько неверным мне представляется их [администрации Джорджа Буша] политический курс, не важно, что я упорно настаиваю на их ответственности за то, куда этот курс заведет, — говоря с этими людьми, я всегда стараюсь понять мотивы, которые их побуждают, и не забывать, что ценности у нас в любом случае одни и те же» (Обама 2008: 57). Конечно, такая степень консолидации, как у американской элиты, встречается далеко не во всех странах. В литературе показаны исторические корни такого единства (Дай, Зиглер 1984: 69). Тем не менее, можно говорить о принципиальном культурном единстве элит и основной части населения в длительно устойчивых политиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные основания существования и функционирования элит позволяют утверждать, что элиты естественны в современном обществе. Общество их создает как необходимый элемент своего внутреннего строения. Это строение определяется уровнем социально-экономического развития, существующим разделением труда и системными требованиями, связанными с необходимостью обеспечения стабильности и воспроизводства социума. Содержательно оно включает вертикальную дифференциацию, на вершине которой находятся элиты. В силу множественности функциональных сторон и общества, и находящихся в нем индивидов возможны несколько иерархий. Индивидуальное попадание на вершину связано с разнообразными факторами, производными от уровня развития общества и его историко-культурных особенностей. Вместе с тем, персоны, находящиеся наверху стремятся к устойчивости своего существования и действуют в этом направлении и в своем функционировании как группа, имеющая определенное место в структуре общества.

Воспроизводимость во времени, включение в социальные отношения и выполнение функций в социальной системе в своем деперсонифицированном виде связано с институциональными характеристиками элиты. Элиты дольше и больше, чем персоны их составляющие. В силу

своего положения в обществе властные группы стремятся задавать характеристики всему обществу и рамки существования индивидам и социальным группам, играя в отношении всего общества и групп институционализирующую функцию. Вместе с тем, они сами подвержены нормированию со стороны общества. Однако существенным институциональным различием остается асимметрия норм как принцип иерархического распределения возможностей и подчинения, закрепленный в нормативных актах.

Функционирование в обществе предполагает для любой группы, общности (и элиты здесь не исключение) определение их смысла и значения в социальном пространстве и во времени. (Само)идентификация, проведение границ с другими группами и выстраивание социальной дистанции — важная часть элитного самоопределения. Помимо внутренней культурной определенности, элиты презентуют себя в рамках единого культурного пространства как часть народа, этноса, нации. Это является одним из оснований легитимации их общественного положения. Но элиты одновременно стремятся определять в основном общественный дискурс, они определяют и переопределяют значения публичных символов, обеспечивая себе доминирующее положение.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Spiegel: Большинство россиян хотят совсем другой России, чем ту, о которой мечтает Запад // Сайт REGNUM. 16.11.2012. [URL: <http://www.regnum.ru/news/1594290.html>].

Адамс Г. Воспитание Генри Адамса / пер. с англ. М.А. Шерешевской; послесл. А.Н. Николюкина; коммент. В.Т. Олейника. М.: Прогресс, 1988.

Алишаускене Р. Восприятие социального неравенства когортами Литвы: динамика или стабильность? Выступление на Второй международной научно-практической конференции «Продолжая Грушина», Москва, 15-16 марта 2012 г. // Сайт ВЦИОМ. [URL: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/Gr_2012/sek3/Alishauskine.pdf (доступно 12.04.2013.)]

Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Башкирцева М. Дневник / Мария Башкирцева. Переизд. М.: «Захаров», 2014.

Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: (сб. статей): Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 125-166.

Васильев А. «Я сегодня в моде...» 100 ответов на вопросы о моде и о себе. М.: Этерна, 2009.

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 495-546.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания в двух книгах. М.: Захаров, 2014.

Виктор Новоселов: “Я не сомневался, что найду себя” [Интервью О. Драмарецкой] // Петербургский Час пик. 27.10.1999. № 42. С. 3.

Восприятие россиянами европейских ценностей // Левада-центр. Пресс-выпуск 15.02.2007. [URL: <http://www.levada.ru/press/2007021501.html> (доступно 25.07.2007)].

Гаман-Голутвина О. Российские элиты как предмет научного анализа // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 175-196.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе: С прил. «Очерка жизни и деятельности Ф. Гизо» / Пер. с фр. В.Д. Вольфсона. 3-е изд. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905.

Гириц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Гумлович Л. Основы социологии. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1899.

Гюнтер Г.Ф.К. Мои впечатления об Адольфе Гитлере / пер. с нем. А. Кирсанова. М.: Изд-во «Белобог», 2013.

Гюнтер Г.Ф.К. Наследственность и среда // Гюнтер Г.Ф.К. Избранные работы по расологии. Изд.2-е доп. / Пер. с нем. А.М. Иванова; предисл. В. Авдеева, А. Иванова, Ю. Ригера. М.: Белые альвы, 2005. С. 516-545.

Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику / пер. с англ. М.: Юрид. лит., 1984.

де Камп Л.С. Лавкрафт: биография / пер. с англ. Д.В. Попова. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008.

Деяния святых Апостолов // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета канонические. Русское синодальное издание.

Джонсон Л. С выигрышной позиции // США — экономика, политика, идеология. 1972. №9. С. 89-100.

Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Дука А. «Элита» и элита: понятие и социальная реальность // Общество и экономика. 2008. № 6. С. 132-146.

Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 391-532.

Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН, 1996. С. 6-73.

Евгения Васильева: наказание по справедливости? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2841. 25.05.2015. [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115261> (доступно 27.05.2015)].

Ежегодный рождественский бал финансовой и политической элиты // Банковское дело. 2015. № 1. С. 2-13.

Ельцин Б.Н. Видит Бог, я сделал много шагов навстречу. Пора власть употребить // Ельцин — Хасбулатов: единство, компромисс, борьба / Сост.: Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, А.И. Кожокина, Г.В. Лобанцова. М.: «Тerra», 1994. С. 192-194.

Ельцин Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2000.

Зиммель Г. Экскурс о чужаке / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: История, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7-13.

Зомбарт В. Роскошь и капитализм // Зомбарт В. Собр. соч. в 3 т. Т.3. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 5-236.

Иван Грозный. Второе послание шведскому королю Иоганну III (1573) // Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. С. 335-350.

Иван Грозный. Послание Полубенскому (1577) // Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. С. 374-381.

Иван Грозный. Послание Сигизмунду II Августу от имени М.И. Воротынского (1567) // Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. С. 434-441.

Итальянская оппозиция возмущена высказываниями Берлускони о конституции // Интерфакс. 10.06.2010. [URL: <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=140650> (доступно 10.06.2010)].

Капуцицкий Р. Император. Шахиншах. / пер.с польск. М.: Европейские издания, 2007.

Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Изд-во «Гнозис»; Изд-во «Логос», 2003.

Качковский Л. Чем проверяется народ на качество // День. Киев, 2000. №9. 21 січня. [URL: <http://www.day.kiev.ua/87107/> (доступно 16.06.2008)].

Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. М.: Наука, 2004.

Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Койчужев Т. Элита постсоциалистического общества. Кого к ней относить? // Общество и экономика. 2007. № 5-6. С. 2-12.

Колдушко А.А. Механизмы регулирования этики государственных служащих (на примере Пермского края). Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015.

Коржаков А.В. Ближний круг «царя Бориса». М.: Алгоритм, 2012.

Кортеж Путина и ГИБДД — продолжение скандала // Сайт «Авто.мэйл. ру». 17.07.2012. URL: <http://auto.mail.ru/article.html?id=37764> (доступно 23.07.2012).

Котов А.С. Дело Георга фон Вирсберга, или о том, что можно и чего нельзя правящей элите // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2. С. 88-91.

Кремль разочаровался в Чубайсе после скандала на видео // Сайт Infox.tv. 23.12.2015. URL: http://www.infox.tv/videos/1721/kreml-razocharovalsya-v-chubayse-posle-skandala-na-video/?utm_source=infox.sg&utm_campaign=3342488&utm_term=newru (доступно 23.12.2015).

Кучеренко А. «Элитарии» всей страны, объединяйтесь! // День. Киев, 2000. №37. 1 березня. [URL: <http://www.day.kiev.ua/87889/> (доступно 16.06.2008)].

Лануэж Ж.В. де. Ариец и его социальная роль. М.: Кучково поле; Медиа-групп, 2014.

Ледяев В. Кого относить к элите? // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 121-129.

Линн Р. Расовые различия в интеллекте: Эволюционный анализ. М.: Профит Стайл, 2010.

Маетная Е. «Мы все в шоке от этой свадьбы» // Газета.ру. 28.03.2015. [URL: <http://www.gazeta.ru/social/2015/03/28/6617377.shtml#> (доступно 30.03.2015)].

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 277-411.

Манхейм К. Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7-233.

Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 109-119.

Медведев Н.П. «Новые» на Старой площади: Кремлевско-провинциальные истории. М.: Республика, 1997.

Мохов В. Об определении понятия «элита» // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 130-143.

Никифоров С. Что нам терять, кроме элиты? // Невский обозреватель. 19-27.06.1999. № 5. С. 2.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

О конфликте вокруг этого проекта см.: Вишневский Б. Башне — нет! Петербург против «Газоскреба». СПб.: Полярная звезда, 2011.

Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты / пер. с англ. Т. Камышниковой, А. Митрофанова. СПб.: Изд. Дом «Азбука-классика», 2008.

Осинский Н. Сводоклад о хозяйственном строительстве // Девятый съезд РКП(б), март-апрель 1920 года: Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 115-127.

Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А.Зотова. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Парето В. Прогнозирование социальных явлений // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2011. С. 165-186.

Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 354-380.

Парсонс Т., Шилз Э. и др. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 415-562.

Перцев А.В. О. Шпенглер: попытка создания прикладной всемирной истории // Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха / Пер. с нем. А.В. Перцева и Ю.Ю. Коренца, послесл. А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 143-222.

Петербургская организация НДР — масонская ложа при губернаторе [Беседа Е. Рагозиной с депутатом Госдумы Л.Б. Нарусовой] // Петербургский Час пик. 13.05.1998. № 18. С. 3.

Петлянова Н. Ненавязчивая роскошь // Новая газета в Санкт-Петербурге. 2009. №81. 29 октября. С. 19-20. <http://www.novayagazeta.spb.ru/2009/81/1> (доступно 30.10.2009).

Полищук Н. Руководит ли Украиной элита? // День. Киев, 2007. №51. 24 безрезия. [URL: <http://www.day.kiev.ua/179298/> (доступно 16.06.2008)].

Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.

Пришвин М.М. Дневники: Кн.3. Дневники 1920-1922 гг. М.: Моск. рабочий, 1995.

Рансимен С. Византийская теократия // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия / Пер. с англ. М.: Наука; Издат. фирма «Восточная литература», 1998. С. 139-238.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001.

Резолюция XVI съезда ВКП(б) «О выполнении пятилетнего плана промышленности» // XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 723-729.

Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) 16-24 ноября 1928 г. «О первых итогах и дальнейшем проведении семичасового рабочего дня» // КПСС в резолюциях

и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. М.: Политиздат, 1984. С. 383-387.

Рейсмен В.М. Скрытая ложь. Взятки: «крестовые походы» и реформы / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.

Рикёр П. История и истина / пер. с франц. СПб.: Алетеия, 2002.

Родэм Клинтон Х. Тяжелые времена / пер. с англ. К.А. Мовчан. М.: Эксмо, 2016.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

Россия боится всемирного разговора: Интервью с Л. Шевцовой // Новая газета. 02.02.2006. № 7. С. 7.

Россияне не верят, что Сердюкова и Васильеву накажут // Известия. 12.02.2014. [URL: <http://izvestia.ru/news/565607> (доступно 20.02.2014)].

Россияне о деле «Рособоронсервиса» // Левада-Центр. Пресс-выпуск 11.02.2014. [URL: <http://www.levada.ru/2014/02/11/rossiyane-o-dele-rosoboronservisa/> (доступно 20.02.2014)].

Ростарчук А. Ваш номер десятый... // Сайт «Автотзгляд». 17.07.2012. URL: <http://www.avtovzglyad.ru/article/2012/07/17/603353-vash-nomer-desyatiy.html> (доступно 23.07.2012).

Саррацин Т. Германия: самоликвидация / пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012.

Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005.

Сталин И.В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Сталин И.В. Соч. Т.12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 118-135.

Стрельцова О., Хуртин В., Новогрудский М. Впервые в истории Госдумы поженились депутаты из разных партий // ТВ Центр. 27.03.2015. [URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/64673> (доступно 30.03.2015)].

Тилли Ч. Демократия. М.: Ин-т общественного проектирования, 2007.

Тиравский В. Украинская элита: нелегкий путь самоидентификации // День. Киев, 2003. №133. 2 сентября. [URL: <http://www.day.kiev.ua/23280/> (доступно 16.06.2008)].

Толстой И.Л. Мои воспоминания / Илья Толстой. М.: XXI век — Согласие, 2000.

Толстой Л.Н. Война и мир. Т.2. // Толстой Л.Н. Полн. Собр. соч. в 90 т. Т. 10. Война и мир. Т. 2. М.: Художественная литература, 1938.

Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123-133.

Троицкий Н. Президент Медведев — повелитель времени // Сайт РИА «Новости». 8.02.2011. URL: <http://www.rian.ru/analytics/20110208/331924657.html>, доступно 8.02.2011.

УДО для Евгении Васильевой // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2925. 08.09.2015. [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115383> (доступно 10.09.2015)].

Указ Президента РФ от 31.12.1999 № 1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=060014>).

Унбегаун Б. Русские фамилии / Пер. с англ.; Общ. ред. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1989.

Уолпол Г. Предисловие ко второму изданию // Уолпол Г. Замок Отранто: Роман / Пер. с англ. В.Шора. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 49-57.

Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

Фуко М. Воля к знанию: История сексуальности // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 97-268.

Фэн Цзицай. Десятилетие бедствий: записки о «культурной революции» / пер. с кит. и вступ. ст. А.Н. Коробовой. М.: ИВЛ, 2015.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.

Ципко А. Элита в корпоративном обществе // День. Киев, 2003. № 51. 21 без-резня. [URL: <http://www.day.kiev.ua/17103/> (доступно 16.06.2008)].

Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли (1828-1850-е годы) // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т.1. М.: Наука, 1991. С. 441-511.

Чем выше социальный статус, тем ниже моральные качества // Сайт «socioline.ru». 13.06.2012. URL: <http://socioline.ru/pages/chem-vyshe-sotsialnyi-status-tem-nizhe-moralnye-kachestva> (доступно 17.07.2012).

Чурикова А. О теориях элит // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 144-174.

Шетилов Д. Непримкнувший. М.: «Вагриус», 2001.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.

Шпеер А. Воспоминания / Пер. с нем. И.В.Рязанова, С.Л.Фридлянд; Вступ. статья Н.Н.Яковлева. Смоленск: Русич, 1997.

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев: ООО «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011.

Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научи, ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 260-310.

Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: колл. монография / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015.

Юнгер Э. Гелиополь: Ретроспектива города / Пер. с нем. Г.Косарик. СПб.: Амфора, 2000.

Ян Э. Преступление и наказание Тило Саррацина. Об ограничении политической свободы слова в Германии // Ян Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М.: РОССПЭН, 2014. С. 101-130.

Baltzell E. D. *The Protestant Establishment: Aristocracy and Caste in America*. New Haven; London: Yale University Press, 1987.

Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes, In: *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*, ed. by J. Higley and R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 1-37.

Burton M.G., Higley J. Elite Settlements, *American Sociological Review*, 1987, 52 (3), p. 295-307.

Clubok A.B., Wilensky N.M., Berghorn F.J. Family Relationships, Congressional Recruitment, and Political Modernization, *The Journal of Politics*, 1969, 31 (4), p. 1035-1062.

Cohen A. *The politics of elite culture: explorations in the dramaturgy of power in a modern African society*. Berkeley: University of California Press, 1981.

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969.

Feibleman J.K. *The Institutions of Society*. New York: Humanities Press, 1968.

Field G.L., Higley J. Elitism. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Form W. H., Rytina J. Ideological Beliefs on the Distribution of Power in the United States, *American Sociological Review*, 1969, 34 (1), p. 19-31.

Gerth H., Mills C.W. *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964.

Giddens A. Elites in the British Class Structure, In: *Elites and Power in British Society*, ed. by P. Stanworth and A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press, 1974, p. 1-21.

Goldschmidt W. Social Class in America — A Critical Review, *American Anthropologist. New Series*, 1950, 52 (4-1), pp. 483-498.

Hasan A. The Roots of Elite Alienation, *Economic and Political Weekly*, 2002, 37 (44/45), pp. 4550-4553.

Haugaard, M. Reflections on Seven Ways of Creating Power, *European Journal of Social Theory*, 2003, 6 (1), pp. 87-113.

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Higley J., Moor G. Political Elite Studies at the Year 2000: Introduction, *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 175-180.

Hunter J.D. *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: BasicBooks, 1991.

Jones B.D., Sulkin T., Larsen H.A. Policy Punctuations in American Political Institutions, *American Political Science Review*, 2003, 97 (1), pp. 151-169.

Kerbo H.R. *Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective*. 6th ed. New York: McGraw-Hill, 2006.

Kryshtanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note, *Europe-Asia Studies*, 2005, 57 (7), p. 1065-1075.

Kussin Z. The hidden kingdoms of New York City's ultra-rich, *New York Post*, 2015, December 20. URL: <http://nypost.com/2015/12/20/rise-of-the-supermansion/> (available December 21, 2015).

Lane R.E. *Political Life: Why People Get Involved in Politics*. New York: The Free Press of Glencoe, 1959.

Lapouge G.V. de, Closson C.C. The Fundamental Laws of Anthro-po-sociology, *Journal of Political Economy*, 1897, 6 (1), pp. 54-92.

Mars G. From the enclave to hierarchy — and on to tyranny: the micro-political organisation of a consultant's group, *Culture and Organization*, 2008, 14 (4), pp. 365-378.

McDonogh, G.W. Culture and Categorization in a Turn-of-the-Century Barcelona Elite, *Cultural Anthropology*, 1991, 6 (3), pp. 323-345.

McQuade, T. J.; Butos, W. N. The Adaptive Systems Theory of Social Orders, *Studies in Emergent Order*, 2009, 2 (1), pp. 76-108.

Michels R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: Dover Publications, 1959.

Michels R. Some Reflections on the Sociological Character of Political Parties, *The American Political Science Review*, 1927, 21 (4), pp. 753-772.

Mosca G. *The ruling class* / Transl. by Hannah D. Kahn. Edited and revised with an introduction, by Arthur Livingston. New York; London: McGraw-Hill book company, inc., 1939.

Nee V., Ingram P. Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure, In: *The New Institutionalism in Sociology*, ed. by Mary C. Brinton and Victor Nee. Stanford: Stanford University Press, 2001, pp. 19-45.

Paterson Sworn in as N.Y. Governor, *Express*, Washington, 2008, March 18, p. 4.

Phillips M. A League of Gentlemen: The Institute of the Motor Industry, *Culture and Organization*, 2007, 13 (4), p. 283-296.

Presthus R. *Elites in the Policy Process*. London; New York: Cambridge University Press, 1974.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Rogers M.F. Instrumental and Infra-Resources: The Bases of Power, *American Journal of Sociology*, 1974, 79 (6), pp. 1418-1433.

Rosenbaum W.A. *Political culture*. New York: Praeger, 1975.

Schwartz R.D. Moral Order and Sociology of Law: Trends, Problems; and Prospects, *Annual Review of Sociology*, 1978, 4, pp. 577-601.

REFERENCES

Deyaniya svyatyih Apostolov [Acts of the Apostles], In: *Holy Bible*, Russian Synodic edition. (In Russian).

Adams G. Vospitanie Genri Adamsa [Adams H. *The Education of Henry Adams*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress, 1988. (In Russian).

Alishauskene R. Vospriyatie sotsialnogo neravenstva kogortami Litvyi: dinamika ili stabilnost? Vyistuplenie na Vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prodolzhataya Grushina», Moskva, 15-16 marta 2012 g [Alishauskene R. The perception of social inequality by the Lithuanian cohorts: dynamics or stability? Paper at the Second international conference “Continuing Grushin”, Moscow, 2012, March 15-16], *Website VTsIOM*. [URL: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/Gr_2012/sek3/Alishauskene.pdf (доступно 12.04.2013.)] (In Russian).

Arendt H. Mezhduproshlyim i buduschim. Vosem uprazhneniy v politicheskoy myisli [Arendt H. *Between Past and Future: Eight exercises in political*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara, 2014. (In Russian).

Baltzell E. D. *The Protestant Establishment: Aristocracy and Caste in America*. New Haven; London: Yale University Press, 1987.

Bashkirtseva M. Dnevnik [Bashkirtseva M. M. *Diary*]. Moscow: Zaharov, 2014. (In Russian).

Boudrieu P. Duh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticeskogo polya [Bourdieu P. The spirit of the state: Genesis and structure of the bureaucratic field], In: *Poetics and Politics: collection of articles*: The almanac of the Russian-French center for sociology and philosophy of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteya, 1999, pp. 125-166. (In Russian).

Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes, In: *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*, ed. by J. Higley and R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 1-37.

Burton M.G., Higley J. Elite Settlements, *American Sociological Review*, 1987, 52 (3), p. 295-307.

Kastoriadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obschestva [Castoriadis C. The Imaginary Institution of Society] / Transl. from French to Russian. Moscow: Gnozis; Logos, 2003. (In Russian).

Chaadaev P.Ya. Otryivki i raznyie myisli (1828-1850-e godyi) [Chaadayev P.Ya. Excerpts and thoughts (1828-1850)] In: *Chaadayev P.Ya. Complete works and selected letters*. Vol.1. Moscow: Nauka, 1991, pp. 441-511. (In Russian).

Chirikova A. O teoriyah elit [Chirikova A. On Elite Theories], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 3-4, pp. 144-174. (In Russian).

Clubok A.B., Wilensky N.M., Berghorn F.J. Family Relationships, Congressional Recruitment, and Political Modernization, *The Journal of Politics*, 1969, 31 (4), p. 1035-1062.

Cohen A. *The politics of elite culture: explorations in the dramaturgy of power in a modern African society*. Berkeley: University of California Press, 1981.

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969.

de Kamp, L.S. Lavkraft: biografiya [De Camp L.S. *Lovecraft: A Biography*] / Transl. from English to Russian. St. Petersburg: Amfora; 2008. (In Russian).

Dontsov A.I. Problemyi gruppovoy splochnosti [Dontsov A.I. *Problems of group cohesion*] Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta, 1979. (In Russian).

Duka A. «Elita» i elita: ponyatie i sotsialnaya realnost [Duka A. “Elite” and Elite: A Notion vs. Social Reality], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 6, pp. 132-146. (In Russian).

Dyurkgeym E. Metod sotsiologii [Durkheim E. The Rules of Sociological Method], In: *Durkheim E. The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method.* / Transl. from French to Russian. Moscow: Nauka, 1990, pp. 391-532. (In Russian).

Dyurkgeym E., Moss M. O nekotorykh pervobyitnykh formakh klassifikatsii. K issledovaniyu kollektivnykh predstavleniy [Durkheim E., Mauss, M. On some primitive forms of classification. To the study of collective representations, In: *Mauss M. Societies. Interchange. Personality. Works on social anthropology*] / Transl. from French to Russian. Moscow: Vostochnaya literature publ., 1996, pp. 6-73. (In Russian).

Day T.R., Zigler L.H. Demokratiya dlya elity: Vvedenie v amerikanskuyu politiku [Dye T.R., Zeigler L.H. *The Irony of Democracy: An uncommon introduction to American politics*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Yuridich. literat., 1984. (In Russian).

Elita v istorii drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii: koll. monografiya [Elite in History of Ancient and Medieval peoples of Eurasia], ed. by P.K. Dashkovskiy. Barnaul: ASU Publishing, 2015. (In Russian).

Fen Tzitsay. Desyatiletie bedstviy: zapiski o «kulturnoy revolyutsii» [Fan Tzitsay. *Decade of disaster: notes on the “Cultural revolution”*] / Transl. from Chinese to Russian Moscow: IVL, 2015. (In Russian).

Feibleman J.K. *The Institutions of Society*. New York: Humanities Press, 1968.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Form W. H., Rytina J. Ideological Beliefs on the Distribution of Power in the United States, *American Sociological Review*, 1969, 34 (1), p. 19-31.

Foucault M. Volya k znaniyu: Istoriya seksualnosti [Foucault M. Will to Know: History of Sexuality], In: *Foucault M. Will to Truth: beyond knowledge, power, and sexuality: Selected works* / Transl. from French to Russian. Moscow: Kastal, 1996, pp. 97-268. (In Russian).

Gaman-Golutvina O. Rossiyskie elityi kak predmet nauchnogo analiza [Gaman-Golutvina O. Russian Elites as a Subject of Scientific Analysis], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 3-4, pp. 175-196. (In Russian).

Girts K. Interpretatsiya kultur [Geertz C. *The Interpretation of Cultures*] / Transl. from English to Russian. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russian).

Gerth H.H., Mills C.W. *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964.

Giddens A. Elites in the British Class Structure, In: *Elites and Power in British Society*, ed. by P. Stanworth and A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press, 1974, p. 1-21.

Giddens E. Ustroenie obschestva: Ocherk teorii strukturatsii [Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2003. (In Russian).

Goldschmidt W. Social Class in America — A Critical Review, *American Anthropologist. New Series*, 1950, 52 (4-1), pp. 483-498.

Gizo F. Istoriya tsivilizatsii v Evrope [Guizot F. *History of the Civilization in Europe*] / Transl. from French to Russian. 3d ed. St. Petersburg: Altschuler publ., 1905. (In Russian).

Gumplovich L. Osnovyi sotsiologii [Gumpłowicz L. *The Foundation of Sociology*] / Transl. from German to Russian. St. Petersburg: Izd. O.N. Popovoy, 1899. (In Russian).

Günther G.F.K. Nasledstvennost i sreda [Günther H.F.K. Heredity and environment], In: *Günther H.F.K. Selected works on race research*. Second ed. / Transl. from German to Russian. Moscow: Belye alvy, 2005, pp. 516-545. (In Russian).

Günther G.F.K. Moi vpechatleniya ob Adolfe Gitlere [Günther H.F.K. *My impressions about Adolf Hitler*] / Transl. from German to Russian. Moscow: Belobog, 2013. (In Russian).

Hasan A. The Roots of Elite Alienation, *Economic and Political Weekly*, 2002, 37 (44/45), pp. 4550-4553.

Haugaard, M. Reflections on Seven Ways of Creating Power, *European Journal of Social Theory*, 2003, 6 (1), pp. 87–113.

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Higley J., Moor G. Political Elite Studies at the Year 2000: Introduction, *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 175-180.

Hodgson Dzh. Ekonomicheskaya teoriya i instituty: Manifest sovremennoy institutsionalnoy ekonomicheskoy teorii [Hodgson G.M. Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics] / Transl. from English to Russian. Moscow: Delo, 2003. (In Russian).

Hunter J.D. *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: Basic-Books, 1991.

Itlyanskaya oppozitsiya vozmuschna vyiskazyvaniyami Berluskoni o konstitutsii [Italian opposition is outraged by Berlusconi's statements about the Constitution], *Website "Interfax"*, 2010, June 6. [URL: <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=140650> (available: 10.06.2010)]

Ivan Groznyiy. Poslanie Polubenskomu (1577) [Ivan the Terrible. Epistle to Polubenskiy (1577)], In: *Epistles of Ivan the Terrible*, ed. by V.P. Adrianova-Perets. St. Petersburg: Nauka, 2005, pp. 374-381. (In Russian).

Ivan Groznyiy. Poslanie Sigizmundu II avgustu ot imeni M.I. Vorotynskogo (1567) [Ivan the Terrible. Epistle to Sigismund II Augustus on behalf of M. I. Vorotynskiy, (1567)] In: *Epistles of Ivan the Terrible*, ed. by V.P. Adrianova-Perets. St. Petersburg: Nauka, 2005, pp. 434-441. (In Russian).

Ivan Groznyiy. Vtoroe poslanie shvedskomu korolyu Iogannu III (1573) [Ivan the Terrible. The second Epistle to the Swedish king Johann III (1573)], In: *Epistles of Ivan the Terrible*, ed. by V.P. Adrianova-Perets. St. Petersburg: Nauka, 2005, pp. 335-350. (In Russian).

Yan E. Prestuplenie i nakazanie Tilo Sarratsina. Ob ogranichenii politicheskoy svobodyi slova v Germanii [Jahn E. Crime and punishment of Thilo Sarrazin. On the limitation of political freedom of speech in Germany], In: *Jahn E. Controversial political issues from the point of view of contemporary history* / Transl. from German to Russian. Moscow: ROSSPEN, 2014, pp. 101-130. (In Russian).

Dzhonson L. S vyiigryishnoy pozitsii [Johnson L.B. *The Vantage Point*] / Transl. from English to Russian, SSHa — ekonomika, polotika, ideologiya [USA — economy, politics, ideology], 1972, 9, pp. 89-100. (In Russian).

Jones B.D., Sulkin T., Larsen H.A. Policy Punctuations in American Political Institutions, *American Political Science Review*, 2003, 97 (1), pp. 151-169.

Yunger E. Geliopol: Retrospektiva goroda [Jünger E. *Heliopolis: Retrospective of the city*] / Transl. from German to Russian. St. Petersburg: Amfora, 2000. (In Russian).

Kachkovskiy L. Chem proveryaetsya narod na kachestvo [Kachkovskiy L. What does verify the people by quality?], *Den*, Kyiv, 2000, 9, January 21. [URL: <http://www.day.kiev.ua/87107/> (available: 16.06.2008)] (In Russian).

Kapuschtskiy R. Imperator. Shahinshah. [Kapuściński R. The Emperor. Shahinshah] / Transl. from Polish to Russian. Moscow: Yevropeyskiye izdaniya, 2007. (In Russian).

Kerbo H.R. *Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective*. 6th ed. New York: McGraw-Hill, 2006.

Kirdina S.G. X- i Y-ekonomiki: Institutsionalnyiy analiz. [Kirdina S.G. *X- and Y-economies: Institutional analysis*]. Moscow: Nauka, 2004. (In Russian).

Klemperer V. LTI. Yazyik Tretego reyha. Zapisnaya knizhka filologa [Klemperer V. *LTI. Language of the Third Reich. Notebook of philologist*] / Transl. from German to Russian. Moscow: Progress-Traditsiya, 1998. (In Russian).

Koldushko A.A. Mehanizmyi regulirovaniya etiki gosudarstvennyih sluzhaschih (na primere Permskogo kraya)[Koldushko A.A. *Regulatory mechanisms of ethics for public officials (the case of Perm kray)*]. Perm: Izd. Permskogo natsionalnogo issledovat. Politechnich. Universiteta, 2015. (In Russian).

Korzhakov A.V. Blizhniy krug «tsarya Borisa». [Korzhakov A.V. *Inner circle of "Tsar Boris"*]. Moscow: Algoritm, 2012. (In Russian).

Kotov A.S. Delo Georga fon Virsberga, ili o tom, chto mozhno i chego nelzya pravyaschey elite [Kotov A.S. Case of Georg von Wirsberg, or what is possible and

what is not for the ruling elite], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. History*, 2009, 2, pp. 88-91. (In Russian).

Koychuev T. Elita postsotsialisticheskogo obschestva. Kogo k ney odnosit? [Koychuyev T. The Elite of Post-socialist Society. Whom it is attributed?], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2007, 5-6, pp. 2-12. (In Russian).

Kryshtanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note, *Europe-Asia Studies*, 2005, 57 (7), pp. 1065-1075.

Kucherenko A. «Elitarii» vsey strany, ob'edinyaytes! [Kucherenko A. "Elitarians" of the whole country, unite!], *Den*, Kyiv, 2000, 37, March 1. [URL: <http://www.day.kiev.ua/87889/> (available: 16.06.2008)]. (In Russian).

Kussin Z. The hidden kingdoms of New York City's ultra-rich, *New York Post*, 2015, December 20. URL: <http://nypost.com/2015/12/20/rise-of-the-supermansion/> (available December 21, 2015).

Lane R.E. *Political Life: Why People Get Involved in Politics*. New York: The Free Press of Glencoe, 1959.

Lapouge G.V. de, Closson C.C. The Fundamental Laws of Anthro-po-sociology, *Journal of Political Economy*, 1897, 6 (1), pp. 54-92.

Lapuzh Zh.V. de. Ariets i ego sotsialnaya rol. M.: Kuchkovo pole; [Lapouge G.V. de. *Aryan and his social role*], Moscow: Kuchkovo pole; Media-grup, 2014. (In Russian).

Ledyayev V. Kogo odnosit k elite? [Ledyayev V. Who could be considered elite?], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 3-4, pp. 121-129. (In Russian).

Linn R. Rasovyye razlichiya v intellekte: Evolyutsionnyy analiz [Linn R. *Race Differences in Intelligence*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Profit Stayl, 2010. (In Russian).

Maetnaya E. «Myi vse v shoke ot etoy svadbui» [Maetnaya Ye. "We are all in shock from this wedding"], *Gazeta.ru*, 2015, March 28. [URL: <http://www.gazeta.ru/social/2015/03/28/6617377.shtml#> (available: 30.03.2015)] (In Russian).

Manheym K. Esse o sotsiologii kulturyi [Mannheim K. Essay on the Sociology of Culture, In: *Mannheim K. Selected works: Sociology of Culture*] / Transl. from English to Russian. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000, pp. 7-233. (In Russian).

Manheym K. Chelovek i obschestvo v epohu preobrazovaniya [Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction] / Transl. from English to Russian, In: *Mannheim K. Diagnosis of Our Time*. Moscow: Yurist, 1994, pp. 277-411. (In Russian).

Mareeva S.V. Spravedlivost i neravenstvo v obschestvennom soznanii rossiyan [Mareeva S.V. Social justice and inequalities in views of Russians], *Journal of Institutional Studies*, 2015, 7, (2), pp. 109-119. (In Russian).

Mars G. From the enclave to hierarchy — and on to tyranny: the micro-political organisation of a consultant's group, *Culture and Organization*, 2008, 14 (4), pp. 365-378.

McDonogh, G.W. Culture and Categorization in a Turn-of-the-Century Barcelona Elite, *Cultural Anthropology*, 1991, 6 (3), pp. 323-345.

McQuade, T. J.; Butos, W. N. The Adaptive Systems Theory of Social Orders, *Studies in Emergent Order*, 2009, 2 (1), pp. 76-108.

Medvedev N.P. «Novyie» na Staroy ploschadi: Kremlevsko-provintsialnyie istorii [Medvedev N.P. *Newcomers in the 'Old' square: Kremlin-provincial history*]. Moscow: Respublika, 1997. (In Russian).

Michels R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: Dover Publications, 1959.

Michels R. Some Reflections on the Sociological Character of Political Parties, *The American Political Science Review*, 1927, 21 (4), pp. 753-772.

Mohov V. Ob opredelenii ponyatiya «elita» [Mohov V. About the definition of the 'elite' concept], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 3-4, pp. 130-143. (In Russian).

Mosca G. *The ruling class* / Transl. by Hannah D. Kahn. Edited and revised with an introduction, by Arthur Livingston. New York; London: McGraw-Hill book company, inc., 1939.

Nee V., Ingram P. Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure, In: *The New Institutionalism in Sociology*, ed. by Mary C. Brinton and Victor Nee. Stanford: Stanford University Press, 2001, pp. 19-45.

Nikiforov S. Chto nam teryat, krome elityi? [Nikiforov S. What have we got to lose, except the elite]?, *Nevskiy obozrevatel*, 1999, 5, June 19-27, pp. 2. (In Russian).

Nort D., Uollis D., Vayngast B. Nasilie i sotsialnyie poryadki. Kontseptualnyie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva.[North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Izd. Instituta Gaydara, 2011. (In Russian).

Obama B. Derzost nadezhdy: Myisli o vrozozhdenii amerikanskoy mechtty [Obama B. *The Audacity of Hope*] / Transl. from English to Russian. St. Petersburg: Izd. Dom "Azbuka-klassika", 2008. (In Russian).

Osinskiy N. Sodoklad o hozyaystvennom stroitelstve [Osinskiy N. A supplementary report on economic construction], In: *The Ninth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks), 1920, March-April: Records*. Moscow: Gospolitizdat, 1960, pp. 115-127. (In Russian).

Pareto V. Kompendium po obschey sotsiologii [Pareto V. Compendium of General Sociology] / Transl. from Italian to Russian by A. Zotov. 2nd ed. Moscow: Izd Dom GU VShE, 2008. (In Russian).

Pareto V. Prognozirovanie sotsialnyih yavleniy [Pareto V. Prediction of social phenomena], In: *Pareto V. The Transformation of Democracy* / Transl. from Italian to Russian by V. Yusim. Moscow: Izd. Dom "Territoriya budushchego", 2011, pp. 165-186. (In Russian).

UDO dlya Evgenii Vasilevoy [Parole for Yevgeniya Vasilyeva], *Website VTsIOM*, Press release, 2015, September 8. [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115383> (available: 10.09.2015)]. (In Russian).

Parsons T. Analiticheskiy podhod k teorii sotsialnoy stratifikatsii [Parsons T. An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification], In: *Parsons T. On the Structure of Social Action* / Transl. from English to Russian. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2000, pp. 354-380. (In Russian).

Parsons T., Shils E. i dr. K obschey teorii deystviya. Teoreticheskie osnovaniya sotsialnykh nauk [Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. Theoretical foundations for the social sciences], In: *Parsons T. On the Structure of Social Action* / Transl. from English to Russian. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2000, pp. 415-562. (In Russian).

Paterson Sworn in as N.Y. Governor, *Express*, Washington, 2008, March 18, p. 4.

Pertsev A.V. O. Shpengler: popytka sozdaniya prikladnoy vseмирnoy istorii [Pertsev A.V. O. Spengler: An attempt to create applied world history], In: *Spengler O. The Re-establishment of the German Reich* / Transl. from German to Russian. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2015, pp. 143-222. (In Russian).

Peterburgskaya organizatsiya NDR masonskaya lozha pri gubernatore [Beseda E. Ragozinoy s deputatom Gosdumyi L.B. Narusovoy] [Petersburg organization of NDR — Masonic Lodge to the Governor [Conversation of Ye Rogozina with State Duma deputy L.B. Narusova]], *Peterburgskiy Chas Pik*, 1998, May, 13, p. 3. (In Russian).

Petlyanova N. Nenavyazchivaya roskosh [Petlyanova N. Unobtrusive luxury], *Novaya gazeta in St. Petersburg*, 2009, 81, October 29, pp. 19-20. <http://www.novayagazeta.spb.ru/2009/81/1> (available: 30.10.2009). (In Russian).

Phillips M. A League of Gentlemen: The Institute of the Motor Industry, *Culture and Organization*, 2007, 13 (4), p. 283-296.

Polishchuk N. Rukovodit li Ukrainoy elita? [Polishchuk N. Does elite govern Ukraine?], *Den*, Kiyv, 2007, 51, March 24. [URL: <http://www.day.kiev.ua/179298/> (available: 16.06.2008)]. (In Russian).

Poltoranin M.N. Vlast v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsarya Borisa. [Poltoranin M.N. *The power of TNT equivalent. The legacy of tsar Boris*], Moscow: Eksmo: Algoritm, 2010. (In Russian).

Presthus R. *Elites in the Policy Process*. London; New York: Cambridge University Press, 1974.

Prishvin M.M. Dnevniki: Kn.3. Dnevniki 1920-1922 [Prishvin M.M. *Diaries: Book 3. Diaries of 1920-1922*], Moscow: Moskov. Rabochiy, 1995. (In Russian).

Kortezh Putina i GIBDD — prodolzhenie skandala [Putin's motorcade and the traffic police — a continuation of the scandal], *Website "Auto.mail.ru"*, 2012, July 17. URL: <http://auto.mail.ru/article.html?id=37764> (available: 23.07.2012). (In Russian).

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti [Rawls J. *A Theory of Justice*] / Transl. from English to Russian. Novosibirsk: Izd. Novosibir. Universiteta, 1995. (In Russian).

Regionalnyie elityi Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii [*Regional Elites of Russia's North-West: Political and economic orientations*], ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Aleteya, 2001. (In Russian).

Reysmen V.M. Skryitaya lozh. Vzyatki: «krestovyye pohodyi» i reformy [Reisman W.M. *Folded Lies: Bribery, crusades, and reforms*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress, 1988. (In Russian).

Rezolyutsiya Plenuma TsK VKP(b) 16-24 noyabrya 1928 g. «O pervyih itogah i dalneyshem provedenii semichasovogo rabocheho dnya» [Resolution of the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) 16-24 Nov. 1928 “About the first results and further carrying out a seven-hour working day”]. In: *CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*. Vol.4. Moscow: Politizdat, 1984, pp. 383-387. (In Russian).

Rezolyutsiya XVI s'ezda VKP(b) «O vyipolnenii pyatiletnego plana promyshlennosti» // XVI s'ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b): Stenograficheskiy otchet. [Resolution of the XVI Congress of the All-Union Communist Party (bolsheviks) “On the implementation of the five-year plan industry”]. In: *XVI Congress of the All-Union Communist Party (bolsheviks): Verbatim record* [Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1930, pp. 723-729. (In Russian).

Rikyor P. Istoriya i istina [Ricœur P. *History and Truth*] / Transl. from French to Russian. St. Petersburg: Aleteya, 2002. (In Russian).

Rodem Klinton H. Tyazhelyie vremena [Rodham Clinton H. *Hard Choices*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Eksmo, 2016. (In Russian).

Rogers M.F. Instrumental and Infra-Resources: The Bases of Power, *American Journal of Sociology*, 1974, 79 (6), pp. 1418-1433.

Rosenbaum W.A. *Political culture*. New York: Praeger, 1975.

Rostarchuk A. Vash nomer desyatyiy [Rostarchuk A. Your number ten...], *Website “Avtovzglyad”*, 2012, July 17. URL: <http://www.avtovzglyad.ru/article/2012/07/17/603353-vash-nomer-desyatyiy.html> (available: 23.07.2012). (In Russian).

Ransiman S. Vizantiyskaya teokratiya [Runciman S. *The Byzantine Theocracy*], In: *Runciman S. The Eastern Schim. The Byzantine Theocracy* / Transl. from English to Russian. Moscow: Nauka; Izdat. Firma “Vostochnaya literature”, 1998, pp. 139-238. (In Russian).

Rossiya boitsya vseirnogo razgovora: Intervyu s L. Shevtsovoy [Russia is afraid of the world conversation: Interviews with L. Shevtsova], *Novaya gazeta*, 2006, 7, February 2, p. 7. (In Russian).

Vospriyatie rossiyanami evropeyskih tsennostey [Russians' perception of European values], *Website Levada center*, Press release, 2007, February 15. [URL: <http://www.levada.ru/press/2007021501.html> (available: 25.07.2007)]. (In Russian)

Sarratsin T. Germaniya: samolikvidatsiya [Sarrazin T. *Germany: self-destruction*] / Transl. from German to Russian. Moscow: Rid grup, 2012. (In Russian).

Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [Schmitt C. The Concept of the Political] / Transl. from German to Russian, *Voprosy sotsiologii*, 1992, 1, pp. 37-67. (In Russian).

Shyutts A. Ravenstvo i smyslovaya struktura sotsialnogo mira [Schutz A. Equality and the Meaning Structure of the Social World], in: Schutz A. *Meaning Structure of the Everyday World*, compiler A.Ya. Alhasov, transl. from English to Russian by A.Ya. Alhasov and N.Ya. Mazlumyanova; sc. ed. by G.S. Batygin. Moscow: Institut Fonda "Obschestvennoe mnenie", 2003. P. 260-310.

Schwartz R.D. Moral Order and Sociology of Law: Trends, Problems; and Prospects, *Annual Review of Sociology*, 1978, 4, pp. 577-601.

Shepilov D. Neprimknuvshiy. [Shepilov D. *Refrained from taking sides*]. Moscow: Vagrius, 2001. (In Russian).

Shulga N.A. Dreyf na obochinu: dvadtsat let obschestvennykh izmeneniy v Ukraine.[Shulga N.A. *Drift by the Wayside: twenty years of social changes in Ukraine*]. Kiyiv: Drukarnya "Biznespoligraf", 2011. (In Russian).

Zimmel G. Ekskurs o chuzhake [Simmel G. Sketch on Stranger] / Transl. from German to Russian, In: *Sociological Theory: History, present and future prospects*: Almanac of the journal "Sociological observation". St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008, pp. 7-13. (In Russian).

Zombart V. Roskosh i kapitalizm [Sombart W. Luxury and capitalism], In: *Sombart W. Selected works in three vols.* Vol. 3 / Transl. from German to Russian. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008, pp. 5-236. (In Russian).

Sorokin P.A. Sotsialnaya mobilnost [Sorokin P.A. *Social Mobility*]. Moscow: Academia; LVS, 2005. (In Russian).

Shpeer A. Vospominaniya [Speer A. *Memories*] / Transl. from German to Russian. Smolensk: Rusich, 1997. (In Russian).

Spiegel: Bolshinstvo rossiyan hotyat sovsem drugoy Rossii, chem tu, o kotoroy mechtaet Zapad [Spiegel: The majority of Russians want a completely different Russia than the one that dreams of the West], *Website "REGNUM"*, 2012, November 16. [URL: <http://www.regnum.ru/news/1594290.html>] (In Russian).

Stalin I.V. God velikogo pereloma: K XII godovschine Oktyabrya [Stalin I.V. A year of great change: To the XII anniversary of the October revolution], In: *Stalin I.V. Works, in 12-vols.* Vol.12. Moscow: Gospolitizdat, 1949, pp. 118-135. (In Russian).

Streltsova O., Hurtin V., Novogrudskiy M. Vpervyye v istorii Gosdumyi pozhlenilis deputaty iz raznykh partiy [Streltsova O., Hurtin V., Novogrudskiy M. For the first time in the history of the State Duma deputies from different parties married], *TV Center*, 2015, March 27. [URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/64673> (available: 30.03.2015)]. (In Russian).

Ezhegodniy rozhdestvenskiy bal finansovoy i politicheskoy elityi [The annual Christmas ball of the financial and political elite], *Bankovskoye delo*, 2015, 1, pp. 2-13. (In Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.1999 # 1763 «O garantiyah Prezidentu Rossiyskoy Federatsii, prekrativshemu ispolnenie svoih polnomochiy, i chlenam ego semi» [The Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.1999 No. 1763 “About guarantees to the President of the Russian Federation ceased to carry out its mandate, and members of his family”](URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=060014>, available: 9.02.2000.) (In Russian).

Velikiy knyaz Aleksandr Mihaylovich. Vospominaniya v dvuh knigah. [The Grand Duke Aleksandr Mihaylovich. *Memories in two books*]. Moscow: Zaharov, 2014. (In Russian).

The higher the social status, the lower moral qualities, *Website “socioline.ru”*, 2012, June 13. URL: <http://socioline.ru/pages/chem-vyshe-sotsialnyi-status-tem-nizhe-moralnye-kachestva> (available: 17.07.2012). (In Russian).

The Kremlin was disappointed in Chubais after the scandal in the video, *Website “Infox.tv”*, 2015, December 23. URL: http://www.infox.tv/videos/1721/kreml-razocharovalsya-v-chubayse-posle-skandala-na-video/?utm_source=infox.sg&utm_campaign=3342488&utm_term=newru (available: 23.12.2015). (In Russian).

Rossiyanе ne veryat, chto Serdyukova i Vasilevu nakazhut [The Russians do not believe that Serdyukov and Vasilyeva will be punished], *Izvestiya*, 2014, February 12. [URL: <http://izvestia.ru/news/565607> (available: 20.02.2014)] (In Russian).

Rossiyanе o dele «Rosoboronservisa» [The Russians on the “Rosoboronservice” judicial investigation], *Website Levada center*, Press release, 2014, February 11. [URL: <http://www.levada.ru/2014/02/11/rossiyanе-o-dele-rosoboronservisa/> (available: 20.02.2014)] (In Russian).

Tilli Ch. Demokratiya [Tilly C. *Democracy*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 2007. (In Russian).

Tiravskiy V. Ukrainskaya elita: nelegkiy put samoidentifikatsii [Tiravskiy V. The Ukrainian elite: the difficult path of self-identification], *Den*, Kyiv, 2003, 133, August 2. [URL: <http://www.day.kiev.ua/23280/> (available: 16.06.2008)]. (In Russian).

Tolstoy I.L. Moi vospominaniya [Tolstoy I.L. *My memories*]. Moscow: XXI vek — Soglasie, 2000. (In Russian).

Tolstoy L.N. Voina i mir. T.2. [Tolstoy L.N. War and Peace], In: *Tolstoy L.N. Complete works*, in 90 vols, Vol. 10. War and Peace, Vol.2. Moscow: Hudozhestven. Literature, 1938. (In Russian).

Toshchenko Zh.T. Elita? Klanyi? Kliki? Kak nazvat teh, kto pravit nami? [Toshchenko Zh.T. Elite? Clans? Clique? To call those who rule us?], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1999, 11, pp. 123-133. (In Russian).

Troitskiy N. Prezident Medvedev — povelitel vremeni [Troitskiy N. President Medvedev — the Master of Time], *Website of the Russian Information Agency*

“Novosti”, 2011, February 8. URL: <http://www.rian.ru/analytics/20110208/331924657.html>, available: 8.02.2011.

Tsipko A. Elita v korporativnom obschestve [Tsypko A. Elite in corporate society], *Den*, Kyiv, 2003, 51, March 21. [URL: <http://www.day.kiev.ua/17103/> (available: 16.06.2008)] (In Russian).

Unbegaun B. Russkie familii [Unbegaun B. *Russian surnames*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress, 1989. (In Russian).

Vasilev A. «Ya segodnya v mode...» 100 otvetov na voprosyi o mode i o sebe. [Vasilyev A. “*Today I am in fashion*”: 100 answers to questions about fashion and about myself]. Moscow: Eterna, 2009. (In Russian).

Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [Veblen T. *The Theory of the Leisure Class*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress, 1984. (In Russian).

Viktor Novoselov: “Ya ne somnevalsya, chto naydu sebya” [Intervyu O. Dramaretskoy] [Viktor Novoselov: “I have no doubt that I will find myself” [Interview of O. Dramaretskaya]], *Petersburgskiy Chas Pik*, 1999, October 27, p. 3. (In Russian).

Vishnevskiy B. Bashne — net! Peterburg protiv «Gazoskreba» [Vishnevskiy B. *Tower — no! Petersburg against the “Gazoskreb”* [Gazprom skyscraper]]. St. Petersburg: Polyarnaya zvezda, 2011. (In Russian).

Walpole G. Predislovie ko vtoromu izdaniyu [Walpole H. Preface to the second edition], In: *Walpole H. The Castle of Otranto* / Transl. from English to Russian. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2011, pp. 49-57. (In Russian).

Warner U. Zhivyye i mertvyie. [Warner W.L. *The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans*] / Transl. from English to Russian. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. (In Russian).

Weber M. O nekotoryih kategoriyah ponimayushey sotsiologii [Weber M. On some concepts of the interpretive sociology], In: *Weber M. Selected works* / Transl. from German to Russian. Moscow: Progress, 1990, pp. 495-546. (In Russian).

Weber M. Protestantskaya etika i duh kapitalizma [Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], In: *Weber M. Selected works* / Transl. from German to Russian. Moscow: Progress, 1990, pp. 61-272. (In Russian).

Yeltsin B.N. Vedit Bog, ya sdelaal mnogo shagov navstrechu. Pora vlast upotrebit [Yeltsyn B.N. God knows, I have made many steps forward. It's time to use the power], In: *Yeltsyn — Hasbulatov: unity, compromise, struggle*, collect. by L.N. Dobrohotov, et al. Moscow: Terra, 1994, pp. 192-194. (In Russian).

Yeltsin B.N. Prezidentskiy marafon: Razmyishleniya, vospominaniya, vpechatleniya [Yeltsyn B.N. *Presidential marathon: Reflections, memories, impressions*]. Moscow: AST, 2000. (In Russian).

Evgeniya Vasileva: nakazanie po spravedlivosti? [Yevgeniya Vasilyeva: punishment for justice?], *Website VTsIOM*, Press release, 2015, May 25. [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115261> (available: 27.05.2015)] (In Russian).